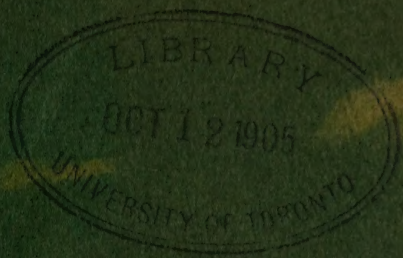
Pamph
Econ
B

A.N. Bakh

А. Н. БАХЪ.



Экономическіе очерки

«Въ знаніи и борьбѣ—сила и право».
Одесса.
Изданіе Вл. Распопова.
1905.

Pamph
Econ
B

A. N. Bakh

А. Н. БАХЪ.

ie Aleksandr Nikolaevich Bach,
1857 —

Экономическіе очерки

«Въ знаніи и борьбѣ—сила и право».
Одесса.
Изданіе Вл. Распопова.
1905.

Дозволено цензурою. Одесса 11 Іюня 1905 года.

Типографія Л. С. Шутака въ Одессѣ,
Троицкая, д. 27.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Глава I.

Сотрудничество. Раздѣленіе труда. Обмѣнъ. Товаръ 8

Глава II.

Цѣнность товаровъ 13

Глава III.

Деньги 17

Глава IV.

Спросъ и предложеніе. Конкуренція . . . 24

Глава V.

Рабочія руки 28

Глава VI.

Прибавочная цѣнность 47

Глава VII.

Заработная плата 59

Глава VIII.

Капиталистическое хозяйство 68

Глава IX.

Общественное хозяйство 93

Если забыть на время собственныя горести и заботы и вглядѣться внимательно въ окружающую насъ жизнь, какою чудовищною и непонятною съ перваго раза она покажется! Во всемъ оказывается непонятное противорѣчіе. Одни работаютъ до кроваваго пота, — другіе ничего не дѣлаютъ; одни голодаютъ и какъ мухи мрутъ отъ всякихъ болѣзней, — другіе живутъ въ роскошныхъ палатахъ и ѣдятъ на серебрѣ и золотѣ; одни горюютъ и страдаютъ, — другіе радуются и веселятся. Разсуждая по божески надо бы ожидать, что какъ разъ тому и живется хорошо, кто трудолюбивъ да бережливъ: все у него спорится, все идетъ ладно. Вотъ у него и палаты роскошныя и ѣстъ онъ на серебрѣ и на золотѣ, и пиръ у него горой. Тѣ же, которые ничего не дѣлаютъ,—тѣ, на рѣкахъ Вавилонскихъ сидя, горько плачутъ, потому что, если ты ничего не хочешь дѣлать, если ты лѣнтяй, или пьяница, такъ пѣняй на себя: терпи всякую напасть, потому—самъ виноватъ.

Какъ будто такъ должно бы быть и по Божескимъ и по человѣческимъ законамъ... Анъ не тутъ то было. Голодаютъ и холодаютъ, какъ мухи мрутъ отъ болѣзней, терпятъ бѣды и напасти, скорьби и печали, какъ разъ тѣ, которые работаютъ до кроваваго пота. А тѣ, которые ничего не дѣлаютъ, тѣмъ—не жизнь, а масляница. Иной только и умѣетъ, что мотать, а денегъ у него и куры не клюютъ. Гдѣ же справедливость? Если ты не родился сыномъ богача, то такъ и суждено тебѣ весь твой вѣкъ маяться. Чуть тебя отъ земли видно, горе и бѣда уже подстерегаютъ тебя, подхватятъ и пойдутъ мыкать по бѣлу свѣту. Ты, примѣрно, крестьянскій сынъ. Тебѣ мину-

ло 4 года и ты уже начинаешь чувствовать ярмо на своей шеѣ. Тебѣ бѣгать и гулять хочется; нѣтъ, тебѣ даютъ хворостину и заставляютъ гусей пасти. Подросъ ты еще, тебѣ даютъ слѣдующій чинъ—пасти свиней, а тамъ дальше—телятъ и все, что слѣдуетъ по порядку. Но все это только цвѣточки. Чины то эти проходишь играючи. А вотъ тебѣ и ягодки. Тебѣ минуло восемь лѣтъ. Наступила зима. Кто побогаче, отдаетъ ребятъ въ школу. Хочется и тебѣ въ школу—весело тамъ съ ребятами. Нѣтъ, шалишь, линія тебѣ не выходитъ. У тятьки твоего хлѣбушко плохо уродился, податей и недоимокъ цѣлая уйма, платить нечѣмъ, а ртовъ много. Вотъ онъ и бьется, какъ рыба объ ледъ. Прослышалъ онъ, что сосѣдній баринъ открылъ спичечную фабрику, объявился благодѣтель, который малышамъ работу даетъ. Тебѣ на фабрику такъ же хочется, какъ грѣшнику лизать горячую сковороду. Но что подѣлаешь! тятька ведетъ. Знаетъ онъ, горемыка, что тебѣ за 12 и 14 часовъ труда каждый день будутъ давать по гривеннику; знаетъ онъ, что отъ сѣры и фосфора ты начнешь чахнуть и хворать на фабрикѣ. Горько ему, но все-же онъ разсчитываетъ, что и твой гривенникъ въ пользу хозяйству.

Если тебѣ—повезетъ счастье, если не скрутитъ тебя еще ребенкомъ болѣзнь, либо не свернетъ тебѣ шею какая нибудь заводская машина и ты кое-какъ дотянешь до 18 лѣтъ, тогда тебѣ приходится подумать о своей судьбѣ. Изъ спичечной фабрики тебя прогнали, потому что тамъ и малыши могутъ работать: имъ вѣдь меньше надобно платить, чѣмъ взрослымъ, а тебѣ работать за гривенникъ въ день обидно. Оставаться тебѣ въ деревнѣ при отцѣ тоже не приходится. Надѣлъ земельный у насъ малъ, платежей много; приходится идти тебѣ въ отхожій промыселъ, а иначе семья твоя не сведетъ концовъ съ концами. Ты отправляешься въ городъ; поступилъ ты тамъ, примѣрно, на ситцевую фабрику. Чудно тебѣ показалось, когда тебя поставили къ машинному станку;

трудно было справляться съ нимъ. Того и гляди, что или пряжу испортитъ, или руку тебѣ захватитъ въ шестерню. Но мало-по-малу ты привыкъ къ этому дѣлу; проработалъ ты два—три года, а то и больше, приспособился ты совсѣмъ къ этому дѣлу и вышелъ изъ тебя самый настоящій ткачъ. Живешь ты съ грѣхомъ пополамъ и думаешь весь свой вѣкъ быть ткачемъ—вдругъ трахъ! Хозяинъ объявляетъ, что онъ долженъ половину рабочихъ отпустить, потому что на ситцы требованія нѣтъ, а работаетъ онъ себѣ въ убытокъ. Вылетишь ты этакимъ манеромъ въ трубу вмѣстѣ со многими своими товарищами. Сунетесь вы къ другому ситцевому фабриканту, а онъ вамъ скажетъ: „извините, голубчики, своихъ-то рабочихъ едва сбылъ, еще за полиціей посылать приходилось". И вотъ ты со своимъ ткачествомъ остаешься, какъ ракъ на мели. Нѣту на тебя требованія и басто!

А пить-ѣсть все же надо. Дѣлать нечего, поступаешь ты на другую фабрику, на какую только приняли. Попалъ ты, примѣрно, на чугунно-литейный заводъ. Одинъ Богъ знаетъ, сколько ты горя и адскихъ мукъ примешь, пока хоть малость приспособишься къ этому дѣлу и забудешь свое ткацкое ремесло. Только ты приспособился, а тебя опять гонятъ, опять приспособляйся къ третьему дѣлу. И такъ-то весь свой вѣкъ маешься: не знаешь, куда идешь, не знаешь, съ какой стороны на тебя бѣда грянетъ.

Оглянешь кругомъ—горько и обидно тебѣ станетъ за себя и за другихъ. Тоже, вѣдь, ты человѣкомъ называешься, по образу и по подобію божію созданъ, а своей воли въ тебѣ какъ разъ столько же, сколько и въ какой-нибудь щепкѣ, которую несетъ и кидаетъ рѣзвая волна. Такъ тебя и бросаетъ во всѣ стороны злосчастная судьба, рветъ и треплетъ, а когда въ конецъ измочалитъ, она выброситъ тебя куда-нибудь на мостовую или подъ заборъ. Окалѣвай, молъ!

Что-жъ это за судьба такая, что-жъ это за сила не-

вѣдомая, которая такъ жестоко командуетъ людьми, играетъ ими, какъ щепками, лишаетъ ихъ своей воли? Велика эта сила! Вотъ что о ней сказалъ Некрасовъ:

Въ мірѣ есть царь: этотъ царь безпощаденъ,
Голодъ — названье ему....

Вотъ это что за сила! Голодъ орудуетъ людьми. Но не страшенъ былъ бы голодъ, еслибъ злые порядки людскіе не давали ему такой страшной силы. Все горе отъ людскихъ порядковъ. Отчего однимъ хорошо, другимъ худо, отчего одни роскошествуютъ, другіе пухнутъ отъ голода?

Много мукъ приняла человѣческая душа, пока разрѣшила себѣ эту задачу, пока дознала гдѣ правда, гдѣ кривда въ людскихъ порядкахъ.

Объ этой правдѣ и кривдѣ людскихъ порядковъ и поведемъ теперь рѣчь. Если все намъ ясно будетъ, можетъ быть, легче будетъ людскому гору помочь.

ГЛАВА I.

Сотрудничество. Раздѣленіе труда. Обмѣнъ. Товаръ.

Чтобы легче было понять, въ чемъ суть нынѣшнихъ порядковъ, мы начнемъ издалека. Если мы хотимъ узнать хорошенько какого нибудь человѣка, мы первымъ долгомъ разспрашиваемъ про все житье-бытье его съ малолѣтства. И когда вся его прежняя жизнь передъ нами какъ на ладони, намъ уже не трудно разобрать его по косточкамъ и разсказать, что онъ за человѣкъ. Также вотъ и весь родъ человѣческій. Если дознаться, какъ онъ жилъ отъ стародавнихъ временъ и до нашего времени, какъ онъ дошелъ до теперешняго своего состоянія, такъ для насъ сразу многое разъяснится.

Въ стародавнія незапамятныя времена весь родъ людской жилъ такъ, какъ теперь живутъ въ лѣсахъ и пещерахъ, безъ селъ и городовъ, безъ дорогъ и мостовъ полуголые дикари. Жалкое, прежалкое существо этотъ ди-

карь! Силы у него мало, а природнаго оружія никакого. Природа дала быку рога, волку острые зубы, льву крѣпкіе когти. Все это для защиты отъ нападенія. А у дикаря что? Только какая нибудь заостренная палка—вотъ все его оружіе! А жить и дикарю хочется. Приходится пищу добывать, а главное—защищать свою шкуру отъ враговъ-звѣрей. Понятно, что питаться ему приходится всякой дрянью, не то что какому нибудь льву или медвѣдю, который каждый день добываетъ себѣ на обѣдъ быка либо оленя. Что касается враговъ, то всякій звѣрь, который посильнѣе дикаря, сколько угодно обижаетъ его и даже не стѣсняется употребить его на обѣдъ или ужинъ. Нашъ несчастный дикарь только ревмя реветъ отъ такихъ порядковъ. Гдѣ ему искать помощи и защиты? Конечно, у такихъ же несчастныхъ дикарей, какъ и онъ самъ. И вотъ мало-по-малу наши дикари начинаютъ собираться. Чувствуютъ, что сразу у нихъ бодрости прибыло. Первымъ дѣломъ, имъ всѣмъ скопомъ удалось убить большого оленя, и ѣли они его цѣлый день. А когда къ нимъ сунулся медвѣдь, они всей компаніей насѣли на него и живо расплатились съ нимъ за его прежніе грѣхи. Если бы дикари не собрались въ компанію, а жили бы отдѣльно, то каждый изъ нихъ не видалъ бы оленины, какъ своихъ ушей, а можетъ быть и самъ, собственной персоной, угодилъ бы медвѣдю на завтракъ. А теперь всякій и оленины покушалъ и медвѣдя палкой ткнулъ. Наши дикари мотаютъ это себѣ на усъ, начинаютъ смекать, что всѣмъ вмѣстѣ куда сподручнѣе дѣла обдѣлывать; можно и на крупнаго звѣря охотиться, а всякимъ медвѣдямъ и волкамъ такого страху нагнать, чтобъ они крѣпко-на-крѣпко помнили силу человѣка. Если ужъ разъ засѣла въ головѣ дикарей мысль о выгодѣ совмѣстной жизни, они цѣпко держатся другъ за друга и никому изъ нихъ нѣтъ охоты отдѣлиться отъ компаніи и опять начать безпомощную жизнь. Такимъ образомъ мы видимъ, что главной причиной жизни обществомъ, ско-

помъ, является нужда и безпомощность, заставляющія людей соединять свои силы, какъ для добыванія себѣ пищи, такъ и для защиты отъ враговъ. Такое соединеніе силъ называется *сотрудничествомъ*, совмѣстнымъ трудомъ. Чтобы показать всю выгоду и необходимость сотрудничества, я приведу такой примѣръ:

Нужно перенести съ одного мѣста на другое 10 чугунныхъ столбовъ, вѣсомъ каждый въ 20 пуд. За это дѣло взялись 10 человѣкъ. Если всякій изъ нихъ возьметъ себѣ одинъ столбъ, захочетъ перенести его, то хоть возись надъ нимъ весь свой вѣкъ, онъ его и съ мѣста не сдвинетъ. А если всѣ 10 человѣкъ соединятъ свои силы, возьмутся за одинъ столбъ, потомъ за другой и такъ далѣе, то они живо дѣло сдѣлаютъ. Такова сила сотрудничества! Итакъ мы можемъ сказать, что *нужда и безпомощность соединяютъ людей и заставляютъ сотрудничать и жить обществами или общинами.*

Всякая такая община, чтобы не пропасть, должна заботиться о своей безопасности и о средствахъ къ своему существованію. По мѣрѣ того, какъ развивается человѣческій умъ и увеличивается человѣческое знаніе, всякая община дѣлаетъ все, что можетъ, для обезпеченія своего благополучія: она пашетъ, сѣетъ, разводитъ скотъ, собираетъ плоды и проч. Но не всѣ мѣста на поверхности земли обладаютъ одинаковыми качествами. Поэтому не всѣ общины могутъ заниматься однимъ и тѣмъ же трудомъ. Одной общинѣ попался хорошій черноземъ—она сѣетъ много хлѣба. Другой общинѣ попалось луговое мѣсто, она приналегла на скотоводство. Третьей общинѣ попалось болотное мѣсто: хлѣбъ у нея плохо родится, но за то въ болотѣ оказалась руда желѣзная, и община стала заниматься кузнечнымъ дѣломъ. И такъ далѣе. Словомъ всякая община наровитъ заняться тѣмъ дѣломъ, какое ей всего сподручнѣе. Что же выходитъ? У одной общины много хлѣба, но она нуждается въ топорахъ и во всякихъ желѣзныхъ издѣліяхъ. А у другой общины

много желѣзныхъ издѣлій, да хлѣба мало. Какъ тутъ быть? Выходитъ, и одной общинѣ плохо, и другой плохо. И вотъ общинники случаемъ или разспросами доходятъ другъ до друга. Одни объясняютъ, что у нихъ много хлѣба, да желѣзныхъ издѣлій нѣтъ; другіе,—что у нихъ всякаго желѣза непочатый уголъ, да хлѣба мало. Само собою, у нихъ выходитъ обмѣнъ. Они обмѣниваются своимъ добромъ, и теперь въ обѣихъ общинахъ есть и хлѣбъ и желѣзныя издѣлія. А разъ познакомившись, общинники въ слѣдующіе годы продолжаютъ обмѣниваться тѣмъ, что сработаютъ или, какъ говорится по-ученому, своими *продуктами*.

Когда дѣло достаточно наладится, наши кузнецы начинаетъ разсуждать такъ: „наша болотина—неурожайное для хлѣба мѣсто, даромъ только время теряемъ въ работѣ. Ужъ лучше бросимъ хлѣбопашество и будемъ одно свое кузнечное дѣло знать. Что сработаемъ, вымѣняемъ у сосѣдей на хлѣбъ и что нужно“. Обѣимъ нашимъ общинамъ нужны и хлѣбъ и желѣзныя издѣлія. Но теперь онѣ устроились такъ, что черноземная община производитъ одинъ только хлѣбъ, а болотная—одни желѣзныя издѣлія, а потомъ обмѣниваются своими продуктами. Такимъ образомъ, общины раздѣли между собой трудъ—одна занимается однимъ хлѣбопашествомъ, другая только кузнечнымъ дѣломъ—устроили *раздѣленіе труда*. Такъ какъ всякая подобная община старается заниматься только тѣмъ дѣломъ, какое ей сподручно, то раздѣленіе труда возникаетъ между многими общинами, потомъ происходитъ взаимный обмѣнъ продуктовъ. Но и внутри общины тоже должно возникнуть раздѣленіе труда. У одного силища страшная, деревья съ корнемъ выворачиваетъ; полевой работникъ хоть куда изъ него. Но заставь его сапоги шить, онъ такіе сошьетъ, что и показать людямъ будетъ стыдно. А другой хилый—косы не подниметъ, да за то хорошо сапоги сошьетъ. Обоимъ имъ нужны и хлѣбъ и сапоги. Но чтобы не маяться безъ толку пахарю

надъ шиломъ, а сапожнику—надъ косой, всякій изъ нихъ дѣлаетъ одно дѣло: пахарь сѣетъ хлѣбъ, а сапожникъ шьетъ сапоги; затѣмъ они обмѣниваются своими продуктами. Такимъ образомъ они и подѣлили между собой трудъ. И вообще, такъ какъ всякій человѣкъ охотнѣе берется за такое дѣло, которое ему по натурѣ, то въ общинѣ непремѣнно происходитъ раздѣленіе труда. Если въ общинѣ 30 человѣкъ, то изъ нихъ, примѣрно, человѣкъ 17 будетъ пахарей, 2 сапожника, 3 портныхъ, 2 кузнеца, 5 плотниковъ, 1 печникъ. Всякій изъ нихъ дѣлаетъ одно какое нибудь дѣло, но всѣ вмѣстѣ они приготовляютъ все, что необходимо для существованія общины: хлѣбъ, сапоги и пр. Всѣ члены общины сотрудничаютъ, но трудъ ихъ раздѣленъ: всякій дѣлаетъ одно дѣло, помня хорошо, что за двумя зайцами погонишься, не поймаешь ни одного. Что раздѣленіе труда дѣйствительно выгодно, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Хорошій сапожникъ сошьетъ пару сапогъ въ два дня. А если кузнецъ броситъ свое дѣло и вздумаетъ шить себѣ сапоги, то онъ ихъ и въ двѣ недѣли не сошьетъ. Такая же исторія будетъ и съ сапожникомъ, если онъ вздумаетъ себѣ ножи дѣлать. Словомъ, при раздѣленіи труда всякій человѣкъ, избравшій себѣ одну какую нибудь часть, приспособляется къ ней и работаетъ по своей части лучше и скорѣе, чѣмъ такой, у котораго двадцать дѣлъ на рукахъ.

Раздѣленіе труда дѣлаетъ трудъ болѣе спорымъ, или, какъ говорится, увеличиваетъ *производительность* труда.

Такъ какъ при раздѣленіи труда всякій производитъ только какой нибудь одинъ изъ всѣхъ необходимыхъ ему продуктовъ, то само собой разумѣется, онъ долженъ вымѣнивать свои продукты на тѣ, которыхъ ему не достаетъ. Напримѣръ сапожникъ, который производитъ одни сапоги, долженъ вымѣнять ихъ на хлѣбъ, соль, одежду и проч. Такъ же точно должны поступать и всѣ другіе производители. Такимъ образомъ, при раздѣ-

леніи труда непремѣнно долженъ существовать обмѣнъ продуктовъ.

Всякій производитель для себя лично производитъ небольшое количество своего продукта. Сапожникъ, который сошьетъ 150 паръ сапогъ въ годъ, для себя оставляетъ, примѣрно, двѣ пары. Остальныя 148 паръ онъ производитъ для обмѣна на другіе нужные продукты. Эти 148 паръ будутъ уже *таваромъ*.

Всякіе продукты, которые производятся для обмѣна (или для продажи), называются товаромъ.

И такъ выходитъ, что раздѣленіе труда вызываетъ необходимость обмѣна и заставляетъ людей производить продукты для обмѣна (для продажи),—производить товары.

Если вспомнимъ все сказанное въ этой главѣ, то придемъ къ заключенію, что нужда и безпомощность заставляютъ людей соединяться въ общества и прибѣгать къ сотрудничеству. Затѣмъ различіе мѣстныхъ условій и разнообразіе силъ и способностей отдѣльныхъ людей вызываютъ раздѣленіе труда въ сотрудничествѣ, какъ между отдѣльными общинами, такъ и между членами одной и той же общины. Раздѣленіе труда въ свою очередь вызываетъ обмѣнъ продуктовъ и производство продуктовъ для обмѣна—*производство товаровъ*.

ГЛАВА II.

Цѣнность товаровъ.

Мы уже знаемъ, что раздѣленіе труда непремѣнно вызываетъ обмѣнъ товаровъ. Спрашивается теперь, какъ узнать, сколько одного товара надо отдать за другой.

Возьмемъ для начала, нарочно, самый простой примѣръ. Сапожникъ хочетъ обмѣнять у ткача пару сапогъ на холстъ. Сколько онъ долженъ получить холста за свои

сапоги? Конечно, сапожникъ наровитъ получить какъ можно больше холста, а ткачъ отдать какъ можно меньше за сапоги. На чемъ-же они сойдутся? Если сапожникъ запроситъ за свои сапоги черезъ-чуръ много холста, напр. 40 арш., то ткачъ, навѣрное, скажетъ ему: „ишь-ты! сапоги сработалъ въ два дня, а съ меня 40 аршинъ холста загнулъ! Того не понимаетъ, неразумная башка, что я надъ холстомъ-то этимъ 4 дня работалъ!“ Если-же, наоборотъ, ткачъ предложитъ сапожнику за его сапоги всего лишь 10 арш. холста, то и сапожникъ ему скажетъ: „тоже вѣдь мастакъ! Я надъ сапогами 2 дня спину гнулъ, а ты свои 10 аршинъ холста за одинъ день соткалъ! Нѣтъ, братъ, жирно будетъ получить сапоги за 10 аршинъ холста, пропорція не выходитъ!“ Но такъ какъ сапожнику очень нуженъ холстъ на штаны, а ткачъ давно уже босикомъ бѣгаетъ, послѣдніе сапожишки износилъ, то надо же какъ-нибудь столковаться. Вотъ ткачъ и говоритъ сапожнику: „слушай, братъ, ты свои сапоги работалъ два дня. Ладно. Такъ и получи съ меня столько холста, сколько я сработалъ въ 2 дня. Вотъ тебѣ 20 арш. холста. Это будетъ какъ разъ въ пропорцію: ни тебѣ обидно, ни мнѣ“. На томъ и порѣшили. Мы видимъ, что ткачъ и сапожникъ должны были *цѣнить товары по тому времени, какое каждый изъ нихъ затратилъ на производство товаровъ.*

Конечно, не всякій сапожникъ знаетъ, сколько времени нужно ткачу, чтобы сработать аршинъ холста; да и не всякій ткачъ знаетъ, сколько времени шьютъ сапоги: вѣдь не можетъ-же всякій мастеровой знать всѣ ремесла. Но если разъ-другой нашъ сапожникъ и ткачъ не сумѣютъ высчитать, сколько товару кому придется, то въ концѣ концовъ они всетаки будутъ цѣнить свои товары по количеству времени, которое нужно, чтобы сработать ихъ. Выйдетъ это вотъ какъ. Положимъ, что сапожники стали бы обманывать ткачей и за каждую пару сапогъ брать съ нихъ не 20 арш. холста, а 25 арш. Ремесло сапожника,

стало быть, было бы выгоднѣе ремесла ткача; сапожники жили бы себѣ припѣваючи, а ткачи день и ночь гнули бы спину надъ работой. Всякій человѣкъ ищетъ, гдѣ лучше, и поэтому многіе ткачи стали бы учить своихъ ребятъ сапожному ремеслу и черезъ нѣсколько лѣтъ развелось бы столько сапожниковъ, что некому было бы скупать сапоги, которые они наготовятъ. Волей-неволей, лишь бы бы сбыть товаръ, сапожники другъ передъ другомъ стали бы сбивать цѣну на сапоги, стали бы ихъ отдавать не то что за 20 арш. холста, а и за 15, такъ что, наконецъ, ихъ ремесло стало бы не выгоднымъ и меньше народу стало бы заниматься имъ; тогда цѣна на сапоги опять поднялась бы, потому что сапогъ стало меньше. Если бы ткачи обманывали сапожниковъ, столяровъ, хлѣбопашцевъ и др., то и тутъ было бы тоже. Народъ приналегъ бы на ткачество, заготовили бы слишкомъ много холста, и холстъ подешевѣлъ бы на столько, что невыгодно бы стало заниматься этимъ ремесломъ. Въ концѣ-концовъ и выходитъ, что такъ или иначе, а товары стали бы цѣнить по тому времени, какое затрачивается на ихъ приготовленіе. Стало быть, по настоящему, обмѣниваясь товарами, обмѣниваются равными услугами, т. е. примѣрно одинаковое время работаютъ другъ на дружку.

Да какъ же иначе и могутъ цѣниться товары? На первый взглядъ иному покажется, что товары могутъ цѣниться по той пользѣ, которую они приносятъ людямъ: чѣмъ полезнѣе товаръ, тѣмъ больше за него и дадутъ. Но если бы товары цѣнились по пользѣ, то ничего бы не вышло изъ этого, кромѣ путаницы. Сегодня за сапоги иной радъ тридорога дать—очень ужъ холодно босикомъ бѣгать, завтра ему же сапоги и даромъ не нужны—онъ вчера вѣдь пару купилъ. Да и какъ узнать, какой товаръ полезнѣе, какой нужнѣе? Сегодня мнѣ сапоги нужны, завтра холстъ. Сегодня мнѣ хлѣба даромъ не надо, а завтра мнѣ и хлѣбъ, и сапоги, и холстъ понадобились. Воздухъ или вода всѣмъ нужны, всѣмъ необходимы, а

никто за нихъ денегъ не платитъ, потому что и воздухъ и воду человѣкъ добылъ не своимъ трудомъ, а достались они ему даромъ отъ природы. Но за ту же воду приходится платить деньги, если для того, чтобы добыть ее, надо употребить трудъ. Напримѣръ, въ городахъ за воду приходится платить водовозу или за водопроводъ. Значитъ, и приходится цѣнить товаръ по труду, который затраченъ на ихъ добываніе или производство.

Хорошо. Но представимъ себѣ такой случай. Нашъ сапожникъ, который хочетъ обмѣнять сапоги на холстъ, любитъ выпить и съ пьяныхъ глазъ провозился надъ сапогами не два дня, какъ слѣдовало, а цѣлыхъ четыре. И вдругъ онъ вздумалъ бы на этомъ основаніи запросить съ ткача не 20 арш. холста, а 40 арш. „Я молъ работалъ сапоги четыре дня, такъ и ты подай мнѣ за сапоги столько холста, сколько ты сработалъ въ четыре дня. Отдай 40 арш. холста!“ Тогда всякій, конечно, сразу осадилъ бы нашего сапожника: „ты бы, милый человѣкъ, побольше глаза заливалъ, да на печи лежалъ, тогда бы и десять дней одну пару проработалъ, а потому поищи себѣ такого дурака, который бы тебѣ за нихъ сто арш. холста отвалилъ. А я ужъ лучше обмѣняюсь съ такимъ сапожникомъ, который сапоги работаетъ всего 2 дня и возьметъ съ меня за нихъ 20 арш. холста“. Такъ сказалъ бы ткачъ, и сапожнику пришлось бы отдать свои сапоги за 20 арш. холста, если онъ не хочетъ тащится съ сапогами обратно домой. Значитъ сапожникъ былъ неправъ, когда, провозившись надъ парою сапогъ четыре дня, хотѣлъ получить за нихъ не 20 арш., а больше.

Итакъ, нашъ сапожникъ долженъ цѣнить свой товаръ не по тому времени, которое онъ сидѣлъ за сапогами, но по тому, *какое дѣйствительно необходимо*, чтобы сшить пару сапогъ. Если всѣ сапожники шьютъ по парѣ сапогъ въ два дня, то и его сапоги будутъ цѣниться трудомъ въ два дня, хотя бы случайно онъ потратилъ на нихъ и больше времени.

Словомъ между нашими ремесленниками при обмѣнѣ товары цѣнятся по тому времени, какое необходимо для ихъ производства, или, какъ говорятъ, цѣнность товаровъ измѣряется количествомъ труда, который необходимъ для ихъ производства. Это правило надо запомнить, безъ него невозможно понять всѣ хозяйственные порядки, отъ которыхъ такъ горько приходится рабочему люду.

ГЛАВА III.

Деньги.

Сапоги и холстъ, какъ мы видѣли выше, обмѣнивались такъ, что въ обоихъ этихъ товарахъ заключалось одинаковое количество труда *). Пара сапогъ, на производство которой нужно было употребить 2 дня труда, обмѣнивалась на 20 арш. холста, на производство которыхъ нужно было употребить тоже два дня труда. И вообще всѣ товары, находящіеся на рынкѣ, могли быть обмѣниваемы другъ на друга такъ, чтобы въ обмѣниваемыхъ товарахъ заключалось одинаковое количество труда. Такъ, напримѣръ, если на производство 4 пудовъ пшеницы нужно употребить 2 дня, на пару сапогъ тоже 2, на 20 арш. холста—2 дня, на 5 арш. сукна—2 дня, на зеркало — 2 дня, то всѣ эти товары можно было обмѣнять одинъ на другой, такъ что за пару сапогъ можно было получить 4 пуда пшеницы или 20 арш. холста, или 5 арш. сукна, или зеркало. А если нужно сбыть зеркало, то его можно обмѣнять на 4 пуда пшеницы, или на 20 арш. холста, или на 5 арш. сукна и т. д.

---

*) Такъ оно и было первое время, когда между людьми былъ простой обмѣнъ товарами. При помощи этого обмѣна люди работали другъ на дружку, оказывали обоюдно другъ другу услуги такъ, чтобы никому не было обидно (одинъ на другого работалъ приблизительно столько же, сколько и тотъ на него).

Теперь представимъ себѣ такой случай. Нашему сапожнику нуженъ холстъ. Сшилъ онъ сапоги и пошелъ мѣняться къ ткачу. Какъ на грѣхъ ткачъ только наканунѣ обзавелся сапогами и ни за что не соглашается отдать холстъ за новые сапоги. „Куда мнѣ двѣ-то пары, мнѣ вотъ женѣ на платье надо; кабы у тебя какая матерія подходящая была, такъ пожалуй обмѣнялъ бы“. Дѣлать нечего, идетъ сапожникъ къ другому ткачу, къ третьему—та же исторія: никому сапоги не нужны, никто не хочетъ ихъ брать—чего имъ зря лежать. Жалѣетъ сапожникъ, что онъ не хлѣбопекъ: хлѣбъ—товаръ ходкій: и сегодня ѣшь, и завтра ѣсть нужно; хлѣбъ легче, чѣмъ сапоги, обмѣнять на какой нибудь другой товаръ. Къ счастью хлѣбопекъ согласился обмѣнять сапожнику сапоги на хлѣбъ; сапожникъ пошелъ съ хлѣбомъ къ ткачу, и тотъ далъ ему наконецъ холстъ. Но и хлѣбопекъ жаловался на свою судьбу: правда его товаръ всѣмъ нуженъ, безъ него не обойдешься, да всетаки иной разъ и хлѣбъ сбыть трудно—у скотовода и есть, напримѣръ, корова, которая нужна хлѣбопеку, и хлѣбъ ему каждый день нуженъ, да больно много хлѣба за корову то брать приходится, а куда же черствый хлѣбъ накоплять. Не легче на этотъ счетъ и скотоводу—скотъ тоже всѣмъ нуженъ, и не черствѣетъ онъ, какъ хлѣбъ; да нужны, скажемъ, ему иголки, такъ какъ же иголку на корову или овцу вымѣнять? за нихъ ему такую уйму иголокъ отвалятъ, что въ цѣлую жизнь ихъ не исшить. Значитъ, выгоднѣе и удобнѣе всего мѣняться тому, у кого на рукахъ самый ходкій товаръ: на него всякій согласится мѣняться;—если онъ ему сейчасъ не нуженъ, то его можно приберечь; особенно, если этотъ товаръ не скоро портится и легко дѣлится на части—тогда и маленькую, и большую вещь можно на него вымѣнять. Такой товаръ—все равно, почитай, что наши деньги: на него можно все купить, и все продать. Всѣ наровили сначала вымѣнивать свои товары на этотъ товаръ, а потомъ ужъ на него вымѣнять все, что самому нужно.

Такой товаръ, такимъ образомъ, становился понемногу средствомъ обмѣна *).

Когда явились деньги, легче стало знать и цѣнность всѣхъ товаровъ, легче стало сравнивать ихъ по цѣнности другъ съ другомъ. Всѣ товары стали прикидывать на деньги. Это все равно, какъ если взять вѣсъ. Каково было бы сравнивать между собой по вѣсу два камня, во сколько разъ одинъ тяжелѣе другого? А какъ прикинешь на желѣзныя гири, на пуды да фунты, такъ дѣло и выйдетъ, какъ на ладони. Деньги такъ же служатъ для измѣренія цѣнности, какъ гири для измѣренія вѣса.

Но, вѣдь, гирями потому и можно взвѣшивать другія вещи, что гири сами имѣютъ вѣсъ. Такъ и деньги. На нихъ только потому можно прикидывать цѣнность другихъ товаровъ, что деньги сами имѣютъ свою цѣнность. Онѣ дѣлаются изъ серебра и изъ золота, а это ходкіе товары. Серебро не только въ деньгахъ цѣнно. Серебряная посуда, серебряныя украшенія пошли въ ходъ раньше, чѣмъ изъ серебра стали дѣлать деньги. Изъ серебра

*) Въ разныя времена въ разныхъ мѣстахъ люди выбирали для этого разные товары. Большею частью выбирали тѣ предметы, которыхъ было больше всего въ этой странѣ. Наши предки славяне мѣняли заморскіе товары на звѣриныя шкуры, потому что въ лѣсахъ тогда водилось видимо-невидимо звѣрей, и чужестранные купцы охотно брали мѣха и шкуры. Въ другихъ мѣстахъ мѣнялись на скотъ,—говорили: это стоитъ столько то овецъ или коровъ или лошадей. И теперь есть еще дикари, которые мѣняются на ракушки (эти ракушки они употребляютъ, какъ украшенія, и очень любятъ ихъ); набираютъ они ихъ на берегу моря, нанизываютъ на нитки и на нихъ мѣняются.

Но всѣ эти товары не совсѣмъ удобны, чтобы мѣнять на нихъ всѣ другіе товары. Цѣнность ихъ (если оцѣнивать ихъ по труду, затраченному на нихъ) изъ году въ годъ мѣняется; то повышается, то понижается. Значитъ, никогда не будешь знать навѣрное, сколько получишь за свой товаръ такого товара, на который легко уже вымѣнять всѣ остальные. Это, конечно, неудобно. Неудобно и то, что эти товары (хлѣбъ, скотъ, мѣха) скоро портятся, беречь ихъ неудобно, да и много мѣста они занимаютъ. Поэтому, въ концѣ концовъ люди и стали мѣнять всѣ товары на особые товары, цѣнность которыхъ мѣняется не часто, которые не скоро портятся и не занимаютъ много мѣста. Эти товары—золото и серебро. Употреблять ихъ для обмѣна выгодно еще и потому, что кусокъ золота или серебра можно дѣлить на мелкія части, и

только потому и начали дѣлать деньги, что серебро—товаръ стойкій въ цѣнѣ, надежный, въ малыхъ частяхъ имѣетъ большую цѣну, не портится и т. д.—словомъ, удобный для обмѣна товаръ.

Если для того, чтобы добыть изъ земли кусокъ серебра въ 4 золотника, нужно употребить одинъ день труда, а для того, чтобы сдѣлать шапку нужно употребить тоже одинъ день, то цѣнность шапки будетъ такая же, какъ и цѣнность куска серебра въ 4 золотника. Изъ этого куска серебра дѣлаютъ монету въ одинъ рубль. Вотъ и говорятъ, что цѣнность шапки—одинъ рубль. Такъ-то и появляются деньги. Изъ этого мы видимъ, что деньги такой же товаръ, какъ и прочіе товары. Цѣнность ихъ тоже измѣряется количествомъ труда, какое нужно употребить на то, чтобы добыть металлъ изъ земли и обработать его. А такъ какъ металлъ—товаръ прочный, съ постоянной цѣнностью, то къ цѣнности его прикидываютъ цѣнности другихъ товаровъ, и товаръ-металлъ превращается въ деньги. Когда я прикидывалъ цѣнность товаровъ къ цѣн-

---

каждая самая маленькая часть будетъ имѣть цѣну; значитъ, на золото и серебро можно вымѣнивать и мелкія, и крупныя, и дорогія, и дешевыя вещи. И то удобно, что, когда нужно, кусочки серебра опять можно сплавить вмѣстѣ, а другіе товары, если ихъ разрубить или разрѣзать, отъ этого портятся. Выгодно и то, что части куска золота или серебра одинаковы, не то, что, напримѣръ, звѣриныя шкуры. Тамъ шкура на шкуру не приходится. Если сказать, что корова стоитъ 5 лисьихъ шкуръ, иному этого мало: ему скажи какихъ шкуръ? Иная рѣдкостная пушистая шкура трехъ коровъ стоитъ. А съ серебромъ либо золотомъ—другое дѣло. Настоящее серебро сплошь одинаково.

Вотъ для удобства обмѣна и стали рубить серебро на кусочки одинаковаго вѣса. Эти *рубленные* куски серебра такъ и стали называться *рублями*. Сначала это были просто куски разнаго вида, разной формы, потомъ стали всѣ ихъ дѣлать на одинъ ладъ; а чтобы не было обману, чтобы къ серебру не примѣшивали чего нибудь другого, начали выпускать эти же самые рубли изъ особаго государственнаго монетнаго двора, съ государственнымъ орломъ и особой надписью. Вмѣсто простыхъ кусковъ явились настоящія деньги, или монеты. Монета съ однимъ вѣсомъ (4 золот. и 21 дол.) называлась рубль, съ двойнымъ вѣсомъ—два рубля, съ половиннымъ вѣсомъ—полтина, съ четвертью вѣса—четвертакъ. Самыя названія нѣкоторыхъ монетъ свидѣтельствуютъ о томъ, какъ онѣ произошли на свѣтъ Божій.

ности пшеницы, я говорилъ, что 20 арш. холста, или 5 арш. сукна, или пара сапогъ стоятъ 4 пуда пшеницы. А когда я прикидываю цѣнность товаровъ къ цѣнности денегъ, я говорю, что 20 арш. холста, или 5 арш. сукна, или пара сапогъ стоятъ 4 рубля (4 куска серебра). Значитъ, деньги— это такой товаръ, который показываетъ цѣнность другихъ товаровъ, или *деньги*—это *мѣрило цѣнности* товаровъ.

На рынкѣ деньги показываютъ цѣнность товаровъ и замѣняютъ собою всѣ другіе товары при обмѣнѣ (какой товаръ захотѣлъ, такой и купилъ на деньги), т. е. служатъ средствомъ обмѣна товаровъ. Деньги такой же товаръ, какъ и прочіе товары, цѣнность они имѣютъ только потому, что нужно употребить трудъ на добычу металловъ изъ земли. Только поэтому на рынкѣ за нихъ можно получить всякій товаръ. И въ самомъ дѣлѣ, никто не захочетъ обмѣнять свой товаръ на журавля въ небѣ или конфектную бумажку, которая не имѣетъ никакой цѣнности. Ладно. Но какъ же съ бумажными деньгами быть? Бумажныя деньги дѣлать легко: въ одинъ день можно надѣлать десятки тысячъ рублей, а на рынкѣ можно за нихъ получить такую груду товаровъ, въ которой заключаются цѣлые годы труда. Выходитъ, что цѣнность денегъ вовсе не зависитъ отъ того, сколько потрачено труда на ихъ производство? Выходитъ, что въ бумажныхъ деньгахъ есть какая то особая сила, если за нихъ можно получить въ обмѣнъ сколько угодно товара, въ то время, какъ самыя бумажки имѣютъ грошевую цѣнность. Погодите малость. Можетъ быть, и здѣсь доберемся до самой сути. Когда добыто золото и серебро изъ самой земли и какъ слѣдуетъ обработано, то его развѣшиваютъ на равные куски и дѣлаютъ изъ него монеты: червонцы, рубли и проч. Если, примѣрно, для того, чтобы добыть кусокъ серебра и сдѣлать изъ него монету рубль, нужно потратить одинъ день труда, и на производство рукавицъ или шапки тоже одинъ день труда, то цѣнность шапки или рукавицъ тоже будетъ 1 руб. серебра. Рубль пущенъ въ

обмѣнъ. Пошелъ онъ гулять по рынку. Обернется онъ въ тысячахъ рукъ, побываетъ въ тысячахъ кармановъ. Погуляетъ онъ эдакъ съ десятокъ лѣтъ, смотришь,—нашъ рубль весь свой видъ потерялъ. Исцарапанъ онъ, изуродованъ, орелъ стерся; а на решкѣ едва разберешь надпись: „монета рубль серебромъ“. Прикинешь его на вѣсахъ, а онъ четвертую часть своего вѣса потерялъ. Значитъ, противъ стараго въ немъ серебра на четвертую часть меньше, поэтому и цѣнность истертаго рубля должна быть на четвертую часть меньше. А выйдешь на рынокъ, такую же шапку или рукавицы купишь, что за старый, что за новый рубль. Что же это значитъ? А вотъ что. Шапошникъ, который продаетъ шапку за истертый рубль, хорошо знаетъ, что въ этомъ рублѣ серебра меньше, чѣмъ въ новомъ, и что поэтому онъ за свою шапку возьметъ не полную цѣнность (не 4 золотника, а всего лишь 3). Но шапошникъ разсуждаетъ такъ: мнѣ изъ этого серебра не серьги дѣлать; все равно мнѣ, сколько въ немъ серебра. Мнѣ бы на немъ только знакъ былъ („монета въ рубль“), а тамъ я завтра куплю на него пудъ пшеницы или рукавицы. Такъ какъ главная служба денегъ состоитъ только въ томъ, чтобы показывать цѣнность и служить средствомъ обмѣна, то на рынкѣ, какъ будто по уговору, обращаютъ вниманіе только на надпись на деньгахъ, а изъ чего они сработаны оставляютъ безъ вниманія. Не все ли равно, будетъ ли на камешкѣ написано „рубль“ или на тряпкѣ? Лишь бы на рынкѣ всѣ признавали, что это рубль, и можно бы было за него получить шапку или рукавицы. Вотъ на этомъ то основаніи и возникаютъ бумажныя деньги. Правительство велитъ отпечатать бумажки съ надписью: „одинъ рубль“ серебромъ, „три рубля“ серебромъ и т. д., а на рынкѣ всѣ должны признавать ихъ какъ будто за настоящія серебряныя монеты. Все это возможно лишь потому, что товаръ-деньги долженъ показывать цѣнность другихъ товаровъ. А показывать цѣнность другихъ товаровъ можетъ также хорошо бумажка,

какъ и кусокъ серебра. Такимъ то образомъ мало-по-малу на рынкѣ отъ товара-денегъ остается только знакъ ихъ цѣнности, напечатанный на бумажкѣ—бумажный знакъ, или бумажныя деньги. А металлическія деньги лежатъ въ складахъ, чтобы не истирались въ обращеніи. Вмѣсто нихъ ходитъ по свѣту бумажка. На ней поэтому и написано: „по предъявленіи выдается изъ размѣнной кассы государственнаго банка столько то рублей серебряной или золотой монетой“. Бумажныя деньги—это свидѣтельство на настоящія серебряныя или золотыя. Потому то онѣ и цѣнятся. А если бы завтра какой нибудь деспотъ размоталъ всѣ серебряныя или золотыя деньги, которыя хранятся въ подвалахъ вмѣсто выпущенныхъ бумажныхъ денегъ, то и вышла бы настоящая бѣда. Нужно нашему купцу купить заграницей товару. Заграницей бумажкамъ не очень то вѣрятъ. Если тамъ прослышатъ, что въ чьей-либо казнѣ настоящихъ то денегъ стало жидковато, такъ тамъ живо нашъ рубль и въ половину прежней цѣны не станутъ цѣнить. Имъ подавай настоящее серебро или золото. Бросится нашъ купецъ въ государственный банкъ, проситъ вмѣсто тысячи бумажныхъ рублей дать ему тысячу золотыхъ; бросится другой, бросится и третій, и четвертый. Подходитъ такъ, что мѣнять то дальше и нельзя. Выплылъ обманъ наружу. Оказывается, что бумажныхъ денегъ наготовлено видимо-невидимо, благо цѣна имъ дешевая, а настоящія поразмотаны. А безъ обмѣна на настоящія деньги бумажкѣ цѣна ломаный грошъ. Казна должна признаваться, что дѣла ея плохи. Перестаетъ выдавать за бумажныя деньги ровнымъ счетомъ золото и серебро, а выдаетъ только 60—70 копѣекъ, а то и полтинникъ за рубль. Все равно, что промотавшійся купецъ, который надавалъ векселей, а потомъ обанкрутился.

Простые и сѣрые люди частенько и не смекаютъ, какая здѣсь хитрая механика скрыта. Иной разъ, охаютъ они—невѣдомо съ чего вдругъ всѣ товары подорожали. А оказывается не товары подорожали, а деньги подеше-

вѣли. Выпущено изъ казны много бумажекъ, разобрали ихъ легковѣрные люди, а потомъ и оказалось, что казна поступала неправильно, что она выпустила бумажекъ сверхъ своихъ средствъ, что заграницей объ этомъ уже пронюхали, что за бумажку нашу даютъ меньше, чѣмъ прежде, всякихъ товаровъ; а начали дорожать заграничные товары, понемногу начинаютъ дорожать и наши.

Такъ то вотъ частенько и въ Россіи бывало. Если взять теперь старые золотые пятирублевики, да посравнить съ нынѣшними, такъ нетрудно увидѣть, что въ старыхъ золота больше и стоятъ они дороже, хоть и написана на нихъ та же цѣна. А если взять да разобрать подробно, какъ явились настоящія и бумажныя деньги, да какъ мѣнялась ихъ цѣнность до нашихъ дней—то и окажется, что все это было сплошнымъ злоупотребленіемъ.

Итакъ, металлическія деньги—это такой товаръ, который показываетъ цѣнность другихъ товаровъ, служитъ мѣриломъ цѣнности и замѣняетъ собою при обмѣнѣ всѣ другіе товары—служитъ средствомъ обмѣна товаровъ. Бумажныя же деньги—это знакъ цѣнности металлическихъ, который съ общаго согласія (вольнаго или невольнаго) служитъ вмѣсто нихъ средствомъ обмѣна. На этомъ мы покончимъ съ деньгами.

ГЛАВА IV.

Спросъ и предложеніе. Конкурренція.

До сихъ поръ мы предполагали, что товары продаются на рынкѣ или обмѣниваются сообразно ихъ стоимости, т. е. сообразно тому количеству труда, какое затрачено на ихъ производство. Это должно было бы быть такъ. Но на самомъ дѣлѣ товары на рынкѣ продаются то выше ихъ настоящей стоимости, то ниже. Посмотримъ, какъ это происходитъ. Сапожникъ сшилъ пару сапогъ въ

2 дня. При продажѣ онъ долженъ получить за нихъ 4 рубля серебромъ, въ которыхъ также заключается ровно 2 дня труда. Выноситъ онъ сапоги на рынокъ. Случилось такъ, что на этотъ разъ на рынокъ вынесено было мало сапогъ, а покупателей на нихъ оказалась цѣлая прорва: шли тѣмъ мѣстомъ солдаты въ походъ; сапоги у нихъ были на бумажныхъ подошвахъ; пришлось имъ свои сапоги заводить. Мѣстные сапожники такого случая не ожидали и не приготовили лишнихъ сапогъ для нежданныхъ гостей. Накинулись солдаты на нашего сапожника: „что стоятъ сапоги?“ — 4 рубля. Одинъ солдатъ взялъ ужъ было сапоги и полѣзъ въ карманъ за деньгами, какъ тутъ другой кричитъ сапожнику: „стой, лишній гривенникъ набавлю, отдай мнѣ сапоги: совсѣмъ босой хожу!“—„Коли такъ, набавлю четвертакъ“, кричитъ третій.—„4 съ полтиной!“—„Получай 5 рублей!“—Крикъ поднялся со всѣхъ сторонъ; нашъ сапожникъ ошалѣлъ и только озирался по сторонамъ, какъ волкъ, котораго накрыли въ овчарнѣ. А тутъ ужъ какой то солдатъ суетъ пятишницу въ руки и беретъ сапоги. Зажалъ нашъ сапожникъ бумажку въ руки и, какъ оглашенный, пустился домой. Радъ. Вмѣсто 4 рублей нежданно-негаданно получилъ 5. Прослышали объ этомъ случаѣ другіе сапожники и думаютъ себѣ: лишній рубль за каждую пару сапогъ платятъ! Дай, приналяжемъ! Приналегли и къ слѣдующему рынку цѣлую гору сапогъ навалили: разсчитывали по 5 рублей за пару получить. Анъ, не тутъ то было! Солдатъ давно и слѣдъ простылъ. Остались одни обыкновенные покупатели, которымъ столько сапогъ не требуется. Сапожники носы повѣсили. А покупатели смекнули, что теперь на ихъ улицѣ праздникъ: можно будетъ поприжать сапожниковъ. Подходитъ покупатель къ одному изъ нихъ: „что стоятъ сапоги?“ Сапожникъ видитъ, что теперь ужъ не до того, чтобы 5 рублей запрашивать, какъ въ прошлый разъ было, и говоритъ настоящую цѣну: 4 рубля.—А 3 рубля не возьмешь?—„Помилуй“, чуть

не плачетъ сапожникъ, „самъ знаешь, я два дня надъ сапогами работалъ, а ты всего 3 рубля даешь. Есть ли въ тебѣ Богъ?“—„Ишь ты, туда же кобенится!“, смѣется покупатель: „много нонѣ вашего брата налѣзло! И 3 рубля то напроситесь!“ Вспомнилъ тутъ сапожникъ, что у него дома семья сидитъ безъ хлѣба, и разсудилъ, что, если онъ не отдастъ сапоги за 3 рубля, то другой сапожникъ отдастъ, а самъ онъ безъ хлѣба останется. Дѣлать нечего, отдалъ онъ сапоги за 3 рубля. Такъ же должны были поступить и другіе сапожники, кому крайность была. А у кого хлѣбъ былъ въ запасѣ, тотъ попридержалъ сапоги. Увидѣли сапожники, что черезчуръ много сапогъ стало. Если продолжать дальше работать, то придется все за 3 рубля пару продавать. И вотъ они сократили производство: кто ушелъ въ другое мѣсто, кто за другое дѣло взялся, болѣе выгодное. Товару стало меньше на рынкѣ. Сапожники пріободрились и перестали уступать сапоги за 3 рубля, покупатели должны были платить дороже. Мы видимъ, что одинъ разъ сапоги продавались дороже своей настоящей цѣнности, а другой разъ ниже. Цѣнность сапогъ оставалась одна и та же (т. е. 4 рубля, 2 дня труда); но рыночная цѣна этихъ сапогъ (за сколько сапоги продавались на рынкѣ) бывала разная: разъ она была 5 рублей, а другой—3 рубля. Отчего же это происходитъ? А вотъ отчего. Въ первый разъ сапогъ было мало на рынкѣ, а покупателей много. Требованіе, *спросъ* на сапоги былъ великъ, а вынесли ихъ мало, *предложеніе* было мало. Всякій покупатель старается перебить у другого товаръ и для этого набиваетъ цѣну,—цѣна товара и увеличивалась. Всякій солдатъ прекрасно зналъ, что настоящая цѣнность—всего 4 рубля Но онъ видитъ, что охотниковъ на сапоги много, и набиваетъ цѣну, чтобы за нимъ остались сапоги. Не босикомъ же ему ходить! Во второй разъ, наоборотъ, сапогъ было много, а покупателей мало, —предложеніе велико, а спросъ малъ. Всякій изъ продавцевъ старается найти какой нибудь выходъ и для это

го сбавляетъ цѣну ниже цѣнности товара. Сапожникъ помнитъ хорошо (горбомъ своимъ), что цѣнность сапогъ 4 рубля, но онъ видитъ, что охотниковъ на сапоги мало, а продать сапоги ему нужно во что бы то ни стало. Не съ голоду же помирать. И вотъ цѣна и падаетъ до 3 рублей. Въ первый разъ при *большомъ спросѣ* и *маломъ предложеніи* перебивали другъ у друга товаръ покупатели, или, какъ говорится, *конкурренція* происходитъ *между покупателями*, и *цѣна товара увеличилась*. Во второй разъ, наоборотъ, при *маломъ спросѣ* и *большомъ предложеніи*, конкурренція происходитъ *между продавцами*, и *цѣна товара упала*. Когда цѣна на сапоги поднялась до 5 рублей, увеличилось и производство ихъ. Значитъ, когда увеличился спросъ, увеличилось и предложеніе. Съ увеличеніемъ предложенія цѣна уже не могла стоять на 5 рубляхъ, потому что произошла конкурренція между продавцами, и цѣна должна была упасть. Но, когда цѣна упала черезчуръ низко, т. е. спросъ уменьшился, сократилось производство, и предложеніе тоже уменьшилось. Произошла конкурренція между покупателями, и цѣна опять поднялась. Когда цѣна сапогъ увеличилась выше ихъ настоящей цѣнности (съ 4 р. до 5 р.), то увеличилось послѣ того и предложеніе ихъ, и конкурренція продавцевъ сбила цѣну. А когда цѣны упали ниже цѣнности (съ 4 р. на 3 р.), уменьшилось предложеніе, и конкурренція покупателей возвысила цѣну. Это намъ ясно показываетъ, что конкурренція стремится приблизить цѣну товара къ его настоящей цѣнности (количеству труда, потраченнаго на его производство). Если цѣна подымается выше цѣнности, то цѣну сбиваетъ конкурренція продавцевъ, а если цѣна упадаетъ ниже цѣнности, то ее поднимаетъ конкурренція покупателей. Изъ этого положенія слѣдуетъ, что если на рынкѣ спросъ и предложеніе равны, то рыночная цѣна равна цѣнности товара. Если на рынокъ вынесено сапогъ какъ разъ, сколько требуется, и если цѣнность сапогъ 4 рубля пара, то покупателямъ нѣтъ надобности набивать

цѣну, чтобы добыть себѣ сапоги—вѣдь, сапогъ на всѣхъ хватитъ; такъ же точно продавцамъ нѣтъ надобности сбивать цѣну товара, чтобы продать его, такъ какъ на ихъ товаръ есть спросъ, и онъ будетъ проданъ. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ простымъ обмѣномъ, о которомъ говорилось до этой главы,—обмѣномъ безъ всякаго дѣйствія конкурренціи.

Итакъ, отъ того, что люди ведутъ отдѣльныя хозяйства, происходитъ обмѣнъ товаровъ; по этой же причинѣ они не могутъ знать, сколько кому въ данное время нужно предметовъ, а потому и получается неравномѣрность спроса и предложенія, а отъ неравномѣрности спроса и предложенія происходитъ конкурренція то между покупателями, то между продавцами. Конкурренція покупателей повышаетъ цѣну товаровъ, а конкурренція продавцовъ понижаетъ. Вообще же конкурренція приближаетъ рыночную цѣну товаровъ къ настоящей цѣнности, стремится уравнять спросъ съ предложеніемъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи выяснится, какое вліяніе имѣетъ конкурренція на хозяйственныя порядки общества, и какимъ образомъ она постоянно приводитъ рабочихъ къ голоду, нищетѣ и всякимъ бѣдствіямъ.

ГЛАВА V.

„Рабочія руки".

Во всѣхъ бесѣдахъ объ обмѣнѣ товаровъ, которыя мы вели до сихъ поръ, мы дѣлали предположеніе, что обмѣниваютъ и продаютъ товары сами производители этихъ товаровъ. Ткачъ продаетъ холстъ, который соткалъ на собственномъ станкѣ изъ собственной пряжи; земледѣлецъ продаетъ пшеницу съ земли, которую онъ вспахалъ собственнымъ плугомъ, засѣялъ собственнымъ зерномъ, и т. То ли мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Шелка, ситца, сукна продаютъ фабриканты, которые къ этимъ

товарамъ и пальцемъ, можетъ быть, не прикоснулись. Пшеницу продаетъ помѣщикъ, который, пожалуй, и въ глаза не видалъ, какъ она растетъ. Куда же дѣвались производители этихъ товаровъ?—Гдѣ же они, „Божьи работники“, эти ратники труда, кровью и потомъ которыхъ пропитаны всѣ эти богатства?.. Здѣсь они, здѣсь! Не обходится безъ нихъ дѣло на рынкѣ! Вотъ они, Божьи работники, оборванные, голодные, они кучей толпятся на рынкѣ. Они тоже вынесли на рынокъ, не товары, которые они сработали своими руками, о, нѣтъ! Всякіе фабриканты и помѣщики уже давно распорядились этимъ товаромъ, какъ своимъ добромъ. Работники торгуютъ другимъ товаромъ: они вынесли на рынокъ, на продажу свои „рабочія руки“, свою силу... Какъ же это произошло, что отъ работниковъ отняли продукты, которые произведены ихъ трудомъ? Почему они выносятъ на рынокъ не этотъ продуктъ, а „рабочія руки“? Долгимъ путемъ насилія и кровопролитія, голода и страданій должно было идти человѣчество, чтобы дойти до такихъ порядковъ. Прочитаемъ эту скорбную повѣсть человѣчества!

Передъ нами земледѣльческая община. Давнымъ давно она осѣла на черноземной землѣ, которая ей родитъ много хлѣба. Раздѣленіе труда обезпечиваетъ общину всѣми необходимыми ей продуктами. Вымѣнивать у другихъ общинъ ей приходится развѣ куски желѣза и мѣди для всякихъ издѣлій. Мирно и весело живетъ повидимому такая община. Всѣ работаютъ и всякій живетъ въ довольствѣ. Но не всѣмъ общинамъ выпала такая счастливая доля. Одна осѣла, за неимѣніемъ лучшаго мѣста, на болотѣ, а другая—въ дремучемъ лѣсу. Хлѣба у нихъ родится мало, а населеніе размножается. Можно бы какой нибудь промыселъ завести, кузнечный или какой другой подходящій. Но въ тѣ далекія времена, какъ и теперь, много было охотниковъ поживиться чужимъ тру-

домъ. Кто былъ посмѣлѣе, тотъ всегда вынюхивалъ, гдѣ что плохо лежитъ и тогда горе слабому. Обитатели, примѣрно, какой нибудь общины лѣсной чувствуютъ недостачу въ хлѣбѣ и другихъ продуктовъ. Что дѣлать? Кто посмирнѣе дѣлаетъ такое предложеніе: „братцы, липъ у насъ много въ лѣсу, надеремъ мы лыкъ и наплетемъ лаптей и рогожъ, изъ древесины надѣлаемъ жбаны, ложки, улья—и все это вымѣняемъ въ богатой общинѣ на хлѣбъ“. Но въ общинѣ немало такихъ, которымъ не по вкусу лапти плести. Хочется имъ какъ нибудь иначе промыслить себѣ всякаго добра. И вотъ самый смѣлый и задорный выскакиваетъ впередъ и держитъ такую рѣчь: „мужичье вы неотесанное, вотъ что! много-ли вы за лыко выручите? Все то вы думаете горбомъ своимъ взять, трудомъ праведнымъ. При трудѣ то этомъ самомъ такъ и поколѣете съ голоду, невидавши какое-такое хорошее житье на свѣтѣ есть. Силы у насъ много, пойдемъ войною на эту богатую общину и наберемъ себѣ добычи на весь годъ. А у кого душа бабья, тотъ пусть дома сидитъ, лыко деретъ, лапти плететъ!“ Понравилась лѣснымъ обитателямъ такая рѣчь и рѣшили они пойти за этимъ смѣльчакомъ на войну. Трубятъ въ рога, собираются въ походъ. Стряслась бѣда надъ земледѣльческой общиной. Прослышала она о непрошенныхъ гостяхъ и съ горькими слезами готовится принять смерть, защищая родное пепелище. Вотъ нагрянули враги и завязался смертельный бой. Долго и крѣпко бились, но наконецъ лѣсные жители одолѣли: и числомъ ихъ было больше, и отъ голоду они въ великую ярость пришли. Изъ хлѣбопашцевъ, кто убитъ, кто бѣжалъ въ лѣсъ. А побѣдители забрали все общинное добро, женъ и дѣтей забрали въ плѣнъ и возвратились домой съ богатой добычей. Смѣльчакъ, который повелъ всю ватагу на войну, храбро дрался съ врагомъ и многихъ отправилъ на тотъ свѣтъ. За это ему отъ товарищей былъ великій почетъ и добычей его надѣлили больше всѣхъ. Понравился лѣснымъ обитателямъ

новый промыселъ. Не жнутъ, не сѣютъ, а всякаго добра вволю. Когда попріѣли награбленную добычу, опять стали собираться въ походъ. И, конечно, вождемъ выбрали того самаго, который въ первый разъ предложилъ идти на войну и такъ ловко привелъ дѣло къ благопріятному концу. Совершили лѣсные обитатели еще походъ и, благодаря хитрости, ловкости и храбрости вождя, опять удачно: награбили большое количество всякаго добра. Вождя еще больше одѣлили всякой добычей и стали оказывать ему всякія почести. Мало-по-малу этотъ вождь начинаетъ командовать не только на войнѣ, но и въ мирное время. У вождя со всякаго похода остается много добычи. Онъ подбираетъ себѣ дружину, кормитъ, одѣваетъ ее изъ своего имущества, а дружина, конечно, во всемъ слѣпо ему повинуется. Опираясь на эту дружину, вождь и беретъ себѣ большую власть надъ своими сообщниками. „Слушайтесь меня добромъ, а то горе вамъ“, говоритъ онъ имъ. И кто въ чемъ нибудь провинится предъ вождемъ, того дружинники живо уму-разуму научатъ. Вождь начинаетъ орудовать всѣмъ въ обществѣ, на все накладываетъ свою лапу. Вотъ такимъ образомъ и возникаетъ большею частью общественная власть (начальство). Изъ вождей, кто хитрѣе и сильнѣе всѣхъ, тотъ соединяетъ подъ своею властью много общинъ, набираетъ большую дружину и идетъ промышлять. Противъ него ни одна община земледѣльческая не устоитъ, и гдѣ онъ ни появится, тамъ плачъ и раззоренье. Ревмя-ревутъ отъ него мужики. Нужда, говорятъ, научитъ пироги печь. Думали, думали мужики-сѣряки и выдумали штуку. Посылаютъ они лютому вождю пословъ съ такою рѣчью: „Храбрый вождь! чѣмъ грабить и раззорять насъ до тла и животовъ лишать, ужъ лучше ты бери съ насъ дань каждый годъ, какую хочешь, только не трогай насъ. Тебѣ же выгодно будетъ: теперь, ты разъ раззоришь насъ до тла и больше тебѣ съ насъ нечего взять, а тогда каждый годъ дань получать будешь. Мы ужъ твоей милости вѣр-

ными слугами будемъ". Видитъ вождь, что дѣло говорятъ мужики и дѣло даже очень для него подходящее. Но онъ и виду не подаетъ и говоритъ имъ строго: „хоть васъ такихъ-сякихъ слѣдовало въ конецъ извести, чтобы и духу вашего не было на землѣ, но я, по неизрѣченному своему великодушію, жалую васъ своею милостію: грабить и раззорять больше не буду, а вы мнѣ за это дань великую будете платить. Но помните, что вы мои слуги: захочу помилую, захочу—со свѣта сживу"! На это ему мужики поклонились и, обрадованные, пошли домой. Пошло теперь вождю (онъ уже приказалъ себя княземъ величать) не житье, а масляница. Переѣзжаетъ онъ съ дружиной изъ одной общины въ другую, дани собираютъ, какъ сыръ въ маслѣ катается. Куда ни придетъ, страха ради всѣ оказываютъ ему великій почетъ и уваженіе; видя такую свою силу великую, князь начинаетъ забывать, что онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ. Онъ не хочетъ вспомнить, какъ онъ свою власть получилъ войною и насиліемъ, а приказываетъ всѣмъ вѣрить, что власть его отъ бога. Онъ требуетъ себѣ полнѣйшаго повиновенія отъ всѣхъ и считаетъ, что земля, люди со всѣмъ добромъ—все это полная собственность его, и можетъ онъ всѣмъ этимъ распоряжаться, какъ хочетъ. Лѣтъ съ тысячу тому назадъ много было на Руси такихъ князей, которые раззоряли народъ и налагали на него тяжкія дани. Покоривши себѣ нѣсколько общинъ, всякій князь составлялъ себѣ изъ нихъ княжество. Но скоро тѣсно стало на святой Руси князьямъ и почали они воевать между собою. Они грабили и раззоряли княжество другъ друга, измѣной убивали противниковъ, словомъ, очень старались извести другъ друга; всякій изъ нихъ старался завладѣть всей тогдашней Россіей. Больше 400 лѣтъ они воевали между собой. Рѣками лилась кровь народная, люди разбѣгались во всѣ стороны отъ постоянныхъ раззореній. Наконецъ, одному изъ князей удалось получить власть надъ всѣми другими: кого убилъ, кого сослалъ, а

другіе всѣ, страха ради, признали его великимъ княземъ и царемъ. Тогда и пошло Московское царство. Царь Московскій считалъ русскій народъ со всей землей, на которой онъ живетъ и которую обрабатываетъ, своею полною собственностью и распоряжался имъ, какъ хотѣлъ. Еще въ прежнія времена князья взяли себѣ въ обычай раздавать цѣлыя общины своимъ дружинникамъ за вѣрную ихъ службу. Жалованныя общины должны были давать дань своимъ новымъ господамъ, а эти въ свою очередь платили князю. Понятно, что противъ прежняго дани стали значительно тяжелѣе. Когда установилось Московское государство, царь Московскій, подобно прежнимъ князьямъ, продолжалъ раздавать общины боярамъ и царедворцамъ за ихъ вѣрную службу государству... Бояре за это должны были выставлять опредѣленное число солдатъ съ своей вотчины въ случаѣ войны и платить налогъ въ государственную казну. Бояре и иные господа, конечно, старались получить съ своихъ вотчинъ какъ можно больше дохода и крѣпко прижимали крестьянъ. Тѣ изъ крестьянскихъ общинъ, которыя не были отданы всякимъ господамъ, считались собственностью царя, а управляли ими царскіе приказчики. Такъ какъ крестьянамъ очень трудно приходилось отъ боярскихъ поборовъ и прижиманій, то стали они бѣгать съ насиженныхъ земель и искать новыхъ, гдѣ нѣтъ господъ и продажныхъ наемниковъ. Стали пустѣть боярскія и господскія общины. Господамъ это очень не по вкусу пришлось, стали жаловаться царю, что народъ бѣжитъ съ земли, и по этой причинѣ, трудно имъ, господамъ и боярамъ, „государеву службу нести“. Вняли цари слезамъ и мольбамъ боярскимъ. Мало-по-малу стали они ограничивать волю крестьянъ—переходить изъ одной общины въ другую. Крестьянамъ позволялось переходить только два раза въ году. А затѣмъ одинъ изъ царей окончательно прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ. Крестьяне тѣломъ и душой были отданы въ полную власть помѣщиковъ. Около 300 лѣтъ продолжалось рабство народа;

какія муки, страданія и надругательства терпѣлъ народъ отъ помѣщиковъ во время крѣпостного права, объ этомъ нечего вспоминать: огненными буквами записано это въ сердцѣ каждаго честнаго русскаго человѣка.

Ни разъ поднимался весь народъ противъ своихъ угнетателей. Но онъ дѣйствовалъ не дружно, и угнетатели остались побѣдителями. Цѣлое море крестьянской крови пролили они и задушили ею крестьянскій бунтъ. Въ 1861 году произошло освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Признали, что крестьяне вольные люди, что было противно божескимъ и человѣческимъ законамъ держать ихъ столько времени въ рабствѣ, уподобивши скотамъ какимъ нибудь, съ которыми можно дѣлать все, что угодно. Праздникъ былъ для всей Руси! Какъ же, крестьянамъ дали волю, которой они были лишены безъ всякаго права! Хвалили и славословили царя-освободителя, который возвратилъ крестьянамъ ихъ прежнюю волю... Ну, а земля какъ?—Земля, которую народъ тысячу лѣтъ поливалъ своимъ потомъ и кровью, земля, которая была испоконъ вѣка и должна быть крестьянскою собственностью? Освободили-ли землю отъ помѣщиковъ и отдали-ли ее крестьянамъ? Нѣтъ! Земля признана собственностью помѣщиковъ и пошла на выкупъ. По крайней мѣрѣ, всю ли землю, которую обрабатывали крестьяне пустили имъ на выкупъ? Нѣтъ, зачѣмъ же! Что бы тогда дѣлали помѣщики? Дѣло половчѣе устроили. Помѣщики отрѣзали крестьянамъ самую плохую землю, заставили платить за нее выкупъ, а себѣ оставили самыя лучшія земли.

Надѣлы крестьянскіе были разсчитаны такъ, чтобы крестьянину нечего было дѣлать на нихъ. Надѣлы были малые и крестьянамъ приходилось нанимать землю у помѣщиковъ. Понятно, что же можетъ сдѣлать крестьянинъ съ надѣломъ въ 2 десятины (въ черноземной полосѣ), которыя къ тому же нарѣзаны въ нѣсколькихъ мѣстахъ? Вслѣдствіе увеличенія населенія, земельные участки кресть-

янъ становятся еще меньше. А такъ какъ платежи несоразмѣрно велики, то становится невыгоднымъ держать землю. Все, что получитъ крестьянинъ съ своего надѣла, уходитъ въ казну, а самому приходится умирать съ голоду. И вотъ опять, какъ въ прежнія времена, народъ принужденъ бѣжать съ земли, которую прибираютъ къ рукамъ всякіе кулаки и міроѣды. Но куда же дѣться тѣмъ, которые бросили свои земли? Незанятыхъ мѣстъ теперь нѣтъ, нельзя имъ устраивать, какъ въ прежнія времена, большія земледѣльческія общины. Некуда теперь уйти отъ барской и помѣщичьей неправды. И вотъ волей-неволей безземельные крестьяне должны попасть въ батраки къ помѣщику или, если случится, поступить на фабрику. Страшный призракъ царя-голода стоитъ надъ головой безземельнаго крестьянина и гонитъ его въ лапы помѣщика и фабриканта, который только того и добивается. Попавши къ помѣщику въ батраки, крестьянинъ обрабатываетъ тѣмъ же мужицкимъ плугомъ ту же прадѣдовскую землю, которую испоконъ вѣка обрабатывали мужицкія руки. Но продуктъ батрацкаго труда достается не батраку, а попадаетъ въ помѣщичьи амбары. Батраку же достается только жалкая заработная плата, которою онъ едва можетъ содержать себя и свою семью. Вотъ почему на рынкѣ помѣщикъ-землевладѣлецъ продаетъ пшеницу, надъ которой не онъ трудился, а батракъ-земледѣлецъ продаетъ этому же помѣщику „свои руки“, которыми будетъ воздѣлано много пшеницы... для помѣщика же.

Мы только что видѣли, какъ производитель-земледѣлецъ обращенъ въ „рабочія руки“ помѣщику. Теперь посмотримъ, что сдѣлалось съ производителемъ-ремесленникомъ.

Въ прежнія времена маленькимъ общинамъ довольно трудно приходилось. Пищей маленькая община такъ или иначе могла себя обезпечить, но на счетъ безопасности ей приходилось плохо. Враги часто одолѣвали ее и

чинили ей великое раззореніе. Чтобы сколько нибудь обезопасить себя со стороны такихъ напастей, маленькія общины должны были опять прибѣгать къ сотрудничеству, какъ нѣкогда къ нему обратились дикари. Сотрудничество соединило дикарей въ общины, теперь же оно соединяетъ нѣсколько небольшихъ общинъ въ одну большую, образуетъ городъ (огороженное валомъ мѣсто). При большомъ числѣ жителей гораздо легче обороняться отъ враговъ, чѣмъ разбросаннымъ общинамъ.

Вокругъ города образуются пригороды—небольшія общины, жители которыхъ въ случаѣ бѣды спасаются въ городѣ. Раздѣленіе труда во всякой общинѣ вызываетъ появленіе ремесленниковъ: сапожниковъ, портныхъ, кузнецовъ и проч. Но въ маленькой общинѣ число ремесленниковъ поневолѣ ограниченно. Если для общины достаточно одного кузнеца, то всякій лишній кузнецъ долженъ уйти изъ общины или взяться за какое нибудь другое ремесло. То ли дѣло городъ! жителей въ немъ много; кромѣ того, и окрестныя общины приходятъ на городской рынокъ для обмѣна своихъ товаровъ. Тутъ то на всякіе ремесленные товары большой спросъ; оттого то всякіе ремесленники и стремятся больше всего въ городъ, и только въ городѣ процвѣтаютъ всякія ремесленныя производства. Всякій ремесленникъ долженъ имѣть всѣ инструменты, необходимые для его дѣла, долженъ имѣть на что купить матеріалъ для своего продукта,—словомъ, онъ долженъ имѣть такъ называемыя *орудія производства*.

Является въ городъ, напр., какой нибудь слесарь; онъ имѣетъ съ собой всѣ инструменты, живо устраиваетъ себѣ мастерскую и начинаетъ работать. Работникъ онъ хорошій, живется ему не худо. Но вотъ случается съ нимъ бѣда: онъ оступился и сломалъ себѣ ногу. Работать нѣтъ возможности, а ѣсть надо. Тогда съѣдаетъ онъ и запасъ, который у него былъ про черный день, а ра-

ботать все еще нельзя. Что же дальше дѣлать? Приходится пустить въ продажу инструменты. Больно ему разставаться съ ними, но дѣлать нечего. Пролежалъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ, а когда наконецъ поднялся, инструменты были уже проѣдены, работать стало нечѣмъ. Идетъ нашъ слесарь къ знакомому своему слесарю, чтобы взять у него на время инструменты и попросить не передастъ ли онъ ему какую либо работу, такъ какъ у того заказовъ было всегда много. Но на бѣду этотъ знакомый слесарь оказался „умственнымъ человѣкомъ". Онъ сразу сообразилъ все положеніе и говоритъ нашему слесарю: „нѣтъ, милый человѣкъ, инструментовъ я тебѣ не дамъ, а вотъ что сдѣлаемъ: заказовъ у меня много, становись и работай! Я тебѣ буду платить сколько слѣдуетъ, но товаръ, который ты сработаешь, будетъ мой!" Очень хорошо даже понялъ нашъ слесарь, куда гнетъ умственный человѣкъ, да дѣлать нечего: не пропадать же. И становится онъ за работу у своего изворотливаго знакомаго. Умственный слесарь не даромъ подвелъ всю эту механику. Онъ получалъ на своемъ работникѣ барышъ и еще больше разохотился на чужой трудъ. И начинаетъ онъ выискивать такихъ слесарей, которые инструментовъ лишились, чтобы залучить ихъ къ себѣ. И, конечно, находитъ, потому что мало-ли бываетъ случаевъ, которые могутъ выбить изъ колеи ремесленнаго человѣка! Одинъ слесарь погорѣлъ, остался нагъ, а другой убѣжалъ изъ общины, которую раззорилъ князь и т. д. Умственный слесарь всѣхъ залучаетъ къ себѣ. Онъ расширилъ мастерскую, прибавилъ инструментовъ и работа у него идетъ на всѣхъ парахъ. Самъ же онъ уже давно пересталъ работать, потому что ему некогда: ему надо вести свое заведеніе. Онъ уже знаетъ, что заведеніе это слѣдуетъ называть мануфактурой и на товарѣ своемъ велитъ выбивать клеймо: „Мануфактура (примѣрно) Петра Колупаева". Мануфактура—это такой способъ производства товаровъ, при которомъ извѣстное число работ-

никовъ-ремесленниковъ производятъ товары въ хозяйской мастерской, хозяйскими инструментами и изъ хозяйскаго матеріала, при чемъ продуктъ ихъ труда вполнѣ поступаетъ ихъ хозяину, ремесленники же получаютъ плату. Хозяинъ мануфактуры уже капиталистъ. Онъ затрачиваетъ капиталъ, нанимаетъ мастерскую, покупаетъ матеріалы и инструменты, чтобы посредствомъ чужого труда получить больше капиталу, получить барышъ.

Во всѣхъ областяхъ ремесленнаго труда, гдѣ только требуются дорогія орудія (слесарное, кузнечное, и т. д.), возникаетъ мануфактура, потому что вездѣ найдется достаточно „умственныхъ людей", которые готовы прижать ближняго въ бѣдѣ.

Особенно часто выходятъ такіе „умственные люди" изъ купцовъ и скупщиковъ. Только часть ремесленниковъ можетъ работать на заказчиковъ. Да и день на день не приходится: то нѣтъ заказчиковъ, хоть сиди сложа руки, то валомъ-валитъ народъ: хлѣбъ въ сосѣднихъ деревняхъ уродило, завелась лишняя копейка, пошли крестьяне лапти и рваные опорки на сапоги перемѣнять. Значитъ, чтобы не сидѣть часть года сложа руки, и чтобы наготовѣ имѣть при надобности запасной товаръ, нужно не дожидаться только заказа, а работать сплошь на продажу. Въ отличіе отъ ремесла, т. е. работы на заказчиковъ, такая работа готоваго товара на продажу называется кустарнымъ промысломъ. Въ губерніяхъ средней Россіи есть много селъ, которыя сплошь занимаются такими промыслами. Одно село—гвоздари, другое—столяры, третье—сапожники. Наготовляютъ они видимо-невидимо товару, и надо его потомъ распродавать по базарамъ и ярмаркамъ. А такъ какъ распродажа товара—дѣло хлопотное, вести его нужно умѣючи и оборотный капиталъ имѣть, то кустари и попадаютъ въ кабалу къ скупщику. Онъ у нихъ принимаетъ сработанный товаръ, сразу выплачиваетъ за него деньги, а иной разъ и задатки раздаетъ подъ будущую работу. За то кустарь рабо-

таетъ на него, все равно какъ городской фабричный на хозяина. Только одно званіе, что кустарь—самъ себѣ хозяинъ, а на самомъ дѣлѣ, онъ—такой же подневольный, безъ скупщика ему шагу ступить нельзя. Торговля вся въ рукахъ скупщиковъ; скупщики выдаютъ задатки подъ работу, скупщики часто и сырой матеріалъ кустарю доставляютъ. Прогнѣвить скупщика—бѣда! Перестанетъ принимать товаръ и оставитъ хоть помирать съ голоду. Понятно, что барышъ весь идетъ къ скупщику, а на долю кустаря остается подневольный трудъ да нищета.

Плохо деревенскимъ кустарямъ, не лучше и городскимъ ремесленникамъ. Тамъ закабаляютъ ихъ магазины готоваго товара да подрядчики. Иной самъ сапога сшить не умѣетъ, а беретъ отъ городской думы либо отъ интендантства подрядъ на тысячи сапоговъ, вноситъ залогъ, а работу всю раздаетъ настоящимъ сапожникамъ. Пальцемъ о палецъ не ударитъ, беретъ себѣ съ каждой пары сапогъ не малый барышъ да еще похваляется: „я, говоритъ, вашъ благодѣтель, я вамъ работу даю, безъ меня бы вы всѣ перемерли“. А магазинъ обуви объявляетъ пріемъ всякихъ заказовъ и тоже двумъ-тремъ нанятымъ сапожникамъ раздаетъ. Такъ то вездѣ самостоятельный хозяинъ-ремесленникъ попадаетъ въ кабалу, да еще сплошь и рядомъ въ кабалу къ своему же брату-ремесленнику. Еще недавно тотъ, можетъ, такой же былъ труженикъ, такъ же работалъ, не разгибая спины, а теперь ужъ до него рукой не достанешь. Какъ научился онъ чужими руками жаръ загребать, какъ завелъ подъ рукой помаленьку да полегоньку изъ своихъ же братьевъ-ремесленниковъ цѣлую мануфактуру, такъ откуда что взялось.

Возвратимся къ нашему „умственному“ слесарю, который устроилъ у себя мануфактуру. Дѣла у него идутъ хорошо. Отъ трудовъ праведныхъ брюшко у него значительно округлилось, онъ принялъ внушительный и осанистый видъ, и величаютъ его теперь: „Ваше степенство“. Онъ часто посѣщаетъ храмъ божій, ставитъ пудовыя свѣ-

чи святымъ угодникамъ,—это въ благодарность за то, что милостивы къ нему, награждаютъ его не по заслугамъ всякимъ богатствомъ. А что тѣмъ временемъ рабочіе его мануфактуры проклинаютъ день и часъ его рожденія за то, что они работаютъ до изнеможенія и ѣдятъ въ проголодь,—это ничего! На томъ свѣтѣ за это сторицей имъ воздастся. Теперь посмотримъ, какъ должна была повліять мануфактура нашего „умственнаго человѣка“ на слесарей-одиночекъ, которые работаютъ отъ себя. Въ мануфактурѣ „умственнаго“ слесаря работаютъ, примѣрно, 10 человѣкъ. Для нихъ ему приходится содержать одну мастерскую. А вольные слесаря должны каждый для себя нанимать отдѣльную мастерскую. 10 слесарей работаютъ въ одной мастерской, 10 вольныхъ должны содержать ихъ 10. Значитъ, хозяинъ мануфактуры противъ вольныхъ слесарей выгадываетъ на наемной платѣ за мастерскую, отопленіе и освѣщеніе. Но это не все. Всякій вольный слесарь долженъ имѣть полный комплектъ инструментовъ, если хочетъ работать хорошо. Но у него часть инструментовъ остается безъ дѣла; если онъ работаетъ на наковальнѣ, то напилки его лежатъ безъ дѣла. А „умственный“ слесарь въ своей мастерской распоряжается иначе: пока одни рабочіе приготовляютъ свои замки начерно, другіе отдѣлываютъ свои начисто; и инструменты такимъ образомъ никогда не остаются безъ дѣла. Значитъ, и въ инструментахъ онъ выгадываетъ значительно противъ вольныхъ слесарей. Но и это еще не все. Слесарь—одиночка, который работаетъ свои замки, долженъ прежде всего отковать части замка, потомъ долженъ пригнать и ихъ отдѣлать начисто, наконецъ, долженъ собрать весь замокъ. Такимъ образомъ онъ долженъ переходить отъ однихъ инструментовъ къ другимъ и терять много времени даромъ. Если работать однимъ инструментомъ, то, приладившись въ началѣ работы, можно ужъ цѣлый день работать хорошо и скоро. А если мѣнять часто инструменты, то всякій разъ надо прилаживаться и терять на это

много времени. „Умственный“ слесарь видитъ всѣ неудобства такого постояннаго перехода отъ однихъ инструментовъ къ другимъ; и, заботясь о своей выгодѣ, онъ устраиваетъ другой порядокъ въ своей мануфактурѣ. Онъ говоритъ: „полно вамъ шляться изъ кузницы въ мастерскую и обратно. Пусть трое изъ васъ работаютъ въ кузницѣ части замковъ начерно, пятеро отдѣлываютъ ихъ начисто, а двое собираютъ замки. Словомъ онъ вводитъ въ мануфактурѣ *„раздѣленіе труда“*. При раздѣленіи труда въ общинѣ (общественное раздѣленіе труда) всякій производитъ одинъ какой нибудь продуктъ. При мануфактурномъ раздѣленіи труда каждый работникъ производитъ не цѣлый продуктъ, а одну какую нибудь часть его. Такъ, одни слесаря въ мануфактурѣ куютъ части замковъ, другіе отдѣлываютъ эти части, третьи собираютъ ихъ и т. д. Мануфакурное раздѣленіе труда дѣлаетъ самый трудъ болѣе производительнымъ, чѣмъ общественное раздѣленіе. Во первыхъ, каждый рабочій не теряетъ времени на переходъ отъ однихъ инструментовъ къ другимъ, и, во вторыхъ, работая постоянно однимъ инструментомъ, рабочій прилаживается къ нему и скорѣе работаетъ, чѣмъ если-бы онъ мѣнялъ чаще инструменты. Вотъ этой то выгоды мануфактурнаго раздѣленія труда вольные слесаря не имѣютъ. И поэтому трудъ ихъ въ сравненіи съ мануфактурнымъ мало производителенъ. 10 вольныхъ слесарей, работая каждый отдѣльно по 5 замковъ въ день, сработаютъ 50 замковъ, а 10 мануфактурныхъ слесарей, работая вмѣстѣ, сработаютъ хозяину 60 или 70 замковъ въ день.

Итакъ хозяинъ мануфактуры имѣетъ передъ слесаремъ ту выгоду, что при одинаковомъ числѣ рабочихъ, онъ тратитъ меньше на мастерскую и инструменты, а продуктовъ получаетъ гораздо больше. Матеріалы онъ закупаетъ въ большомъ количествѣ, оптомъ; на этомъ ему скидка. Да и при продажѣ онъ можетъ выждать, пока товаръ будетъ въ цѣнѣ—у него есть деньги про запасъ, словомъ,

во всемъ у него передъ мелкимъ ремесленникомъ выгода. Выноситъ мануфактуристъ на рынокъ свои товары, а вольный—свои. Товары у нихъ одинаковые, но цѣнность у нихъ разная. У мануфактуриста каждый рабочій дѣлалъ по 7 замковъ въ день, а вольный слесарь только по 5. Понятно, мануфактуристъ можетъ продавать свои товары дешевле. Происходитъ конкуренція между мануфактуристами и вольными слесарями (конкуренція продавцевъ), которая понижаетъ цѣну замковъ (7 замковъ—1 день труда). И хотя вольные слесаря работаютъ всего по 5 замковъ въ день, но они должны продавать ихъ по той же цѣнѣ, какъ и мануфактуристъ. Иначе у нихъ никто не станетъ покупать товаровъ. Понятно, что они въ концѣ концовъ должны раззориться и бросить самостоятельное ремесло. Имѣя за собой вышеуказанныя выгоды, мануфактуристъ убиваетъ конкуренціей мелкое ремесло, лишаетъ ремесленниковъ орудій производства; дѣлаетъ изъ самостоятельныхъ ремесленниковъ чужихъ батраковъ. Но мануфактуры конкурируютъ не только съ мелкимъ ремесломъ, они конкурируютъ также между собою. Чѣмъ больше мануфактура, тѣмъ больше она получаетъ выгодъ, сравнительно съ мелкой мануфактурой, отъ меньшихъ затратъ на орудія производства и отъ большаго раздѣленія труда. Слѣдовательно, чѣмъ больше мануфактура, тѣмъ трудъ ея производительнѣе, тѣмъ дешевле она можетъ продавать товары. Между крупной мануфактурой и мелкой происходитъ постоянная конкуренція и крупная мануфактура должна побивать мелкую точно такъ же, какъ мелкая побиваетъ мелкое ремесленное производство. Конкуренція мануфактуръ выражается въ томъ, что каждая мануфактура старается заполонить рынокъ. Для этого она старается продавать товары какъ можно дешевле. Дешевле же она можетъ продавать только тогда, когда на производство ихъ меньше будетъ затрачивать человѣческаго труда. И вотъ мануфактуристъ старается все больше и больше усовершенствовать производство, облегчить чело-

вѣческій трудъ. Являются машины. Машина, можно сказать, прямо замѣняетъ ремесленный трудъ. Машина дѣлаетъ механически и скоро продуктъ, производство котораго требуетъ отъ ремесленника много ловкости и долгаго предварительнаго обученія. Чтобы быть хорошимъ ткачемъ, нужно пройти долгую выучку, поэтому трудъ ткача вознаграждается больше, чѣмъ трудъ, напримѣръ, землекопа, которому выучки никакой не требуется. Капиталистъ, желающій открыть ткацкую мануфактуру долженъ подыскать себѣ ремесленниковъ-ткачей, лишенныхъ орудій производства, и заставить ихъ работать на себя за плату. Эта плата, конечно, будетъ больше платы чернорабочаго. Но вотъ изобрѣтенъ паровой ткацкій станокъ, который ткетъ быстрѣе и лучше ткача. Мануфактуристъ, устроившій себѣ паровой станокъ, уже не нуждается въ ремесленной ловкости ткача и замѣняетъ его чернорабочимъ, такъ какъ присматривать за паровымъ станкомъ не хитрая штука, а чернорабочему платить нужно меньше, чѣмъ ремесленнику. Итакъ, машина, замѣнивъ собою ремесленную ловкость, даетъ возможность капиталисту обходиться безъ ремесленника, употребить вмѣсто него чернорабочаго. Является фабрика. Значитъ на фабрикѣ всю работу, которая требуетъ ловкости и долгой выучки отъ ремесленниковъ, дѣлаетъ машина, а при ней употребляютъ чернорабочихъ, отъ которыхъ никакой выучки не требуется. Производительность труда при фабричномъ производствѣ больше, чѣмъ при всякомъ другомъ. Какой-нибудь кузнецъ-ремесленникъ можетъ сдѣлать, примѣрно, 600 гвоздей въ день, а чернорабочій на фабрикѣ можетъ ихъ сдѣлать нѣсколько тысячъ. Понятно, машинные гвозди будутъ гораздо дешевле ремесленныхъ. Вообще фабрика побиваетъ мелкое ремесло и мануфактуру и открываетъ свои двери чернорабочимъ, уничтожаетъ потребность въ ремесленномъ производствѣ. Ремесленники же или вымираютъ мало по малу отъ голода и всякихъ лишеній, или же превращаются въ фабричныхъ чернорабочихъ, въ „рабочія руки“ для фабриканта.

Сведемъ теперь въ одно все, что сказано въ этой главѣ относительно превращенія производителей-земледѣльцевъ и производителей-ремесленниковъ въ „рабочія руки“ для капиталиста. Въ старинныя времена въ общинахъ военныя потребности (защита отъ враговъ и нападеніе) вызываютъ появленіе власти въ лицѣ наиболѣе сильныхъ, наиболѣе храбрыхъ членовъ общины, которые становятся вождями. Эти вожди мало по малу подчиняютъ себѣ общины, изъ которыхъ они вышли, становятся ихъ властителями. Они перестаютъ работать для добыванія себѣ средствъ къ существованію, а живутъ вмѣстѣ со своими дружинниками на счетъ дани, которую они берутъ съ своихъ подчиненныхъ, такъ же, какъ и на счетъ добычи, полученной съ чужихъ общинъ. Постоянныя войны между общинами ведутъ къ тому, что вождь болѣе сильныхъ общинъ покоряетъ себѣ болѣе слабыя общины и налагаетъ на нихъ дань. Но, далѣе, эти болѣе сильные вожди, подчинившіе себѣ слабыя общины, продолжаютъ воевать между собою, пока, въ концѣ концовъ, въ опредѣленной мѣстности одинъ какой нибудь вождь покоряетъ подъ свою власть всѣхъ остальныхъ вождей съ ихъ общинами. Является государство, во главѣ котораго стоитъ этотъ вождь или князь. Такъ возникло и русское государство. Русскіе князья и цари раздавали цѣлыя общины во владѣніе своимъ дружинникамъ-боярамъ. Бояре выжимали доходъ съ общинъ, но земля оставалась общинной собственностью и бояре не вмѣшивались въ земельныя порядки общинъ. А когда народъ, вслѣдствіе жестокихъ притѣсненій, сталъ бѣгать отъ земли, цари прикрѣпляли крестьянъ къ землѣ. Бояре, помѣщики стали владѣльцами крестьянскихъ душъ, а земля все таки на дѣлѣ оставалась собственностью общины. Но затѣмъ, когда наступило освобожденіе крестьянъ, помѣщики были признаны не собственниками крестьянскихъ душъ (это противно божескимъ законамъ), а собственниками земли, которую крестьяне испоконъ вѣку обрабатывали. Вышло на одно

и то же (какъ говоритъ пословица: „не умеръ Гаврила, а болячка его задавила“!) Потому что крестьяне, освобожденные съ недостаточнымъ надѣломъ, должны или нанимать у помѣщика землю, или идти къ нему въ батраки. Помѣщикъ, какъ и въ прежнія времена, сидитъ на спинѣ мужика и сосетъ изъ него кровь. Такъ производитель-земледѣлецъ, лишенный земли, превращенъ въ „рабочія руки“; производители-ремесленники сосредоточены въ городахъ. Болѣе ловкіе и умные изъ нихъ имѣютъ преимущество передъ болѣе слабыми. Слабые въ концѣ концовъ лишаются орудій производства и поступаютъ въ работники къ болѣе сильнымъ. Является мануфактура. Разъ появившись, она побиваетъ конкуренціей мелкихъ производителей и неудержимо стремится захватить все ремесленное производство. Конкуренція мануфактуръ, стремясь къ расширенію производства и удешевленію товаровъ, вызываетъ появленіе машинъ и фабричнаго производства, при которомъ машина замѣняетъ человѣческую ловкость, а чернорабочій замѣняетъ ремесленника. Фабрика побиваетъ конкуренціей мануфактуру и мелкое ремесло, а самого ремесленника, лишеннаго орудій производства, превращаетъ въ чернорабочаго, въ „рабочія руки“ для машинъ. На зарѣ общественной жизни раздѣленіе труда разбиваетъ людей на 2 великія части производителей-земледѣльцевъ и производителей-ремесленниковъ. Долгіе вѣка каждая часть исполняетъ отмежеванную ей область общечеловѣческаго труда. Производитель-земледѣлецъ проходитъ свои вѣковыя мытарства черезъ руки бояръ-помѣщиковъ, а производитель-ремесленникъ черезъ мануфактуру и фабрику. И вотъ, наконецъ, оба производителя, уже лишенные орудій труда, опять встрѣчаются другъ съ другомъ за фабричной машиной. Но между ними нѣтъ различія: они только „рабочія руки“. Въ первобытныя времена дикари, не знавшіе раздѣленія труда, не могли имѣть тѣхъ знаній, того умственнаго развитія, какое въ послѣдствіи имѣлъ земледѣлецъ и ремесленникъ. А когда

земледѣлецъ и ремесленникъ, прошедши всѣ свои мытарства, очутились на фабрикѣ, они вмѣстѣ съ орудіями производства лишились и тѣхъ знаній, того умственнаго развитія, котораго отъ нихъ требовало производство. Все это замѣняетъ машина, а отъ работника—ума, головы не требуется; человѣкъ-производитель обращенъ въ „рабочія руки“ для капиталиста. Слѣдовательно, производитель кончаетъ тѣмъ, съ чего началъ, онъ долженъ превратиться въ дикаря! Если-бы все предоставить на волю капиталистовъ, то оно такъ бы и было. Но, къ счастью человѣчества, не все зависитъ отъ ихъ воли. Какъ ни усердствуютъ капиталисты, любезные ихъ сердцу порядки нигдѣ еще не установились вполнѣ. Всюду, рядомъ съ фабрикой встрѣчаются и мануфактура, и мелкое ремесло. Еще не разыгралась какъ слѣдуетъ конкуренція, да и мелкій производитель стойко борется противъ хищности капиталиста. Тяжко производителю разстаться со своею волей, превратиться изъ человѣка въ „рабочія руки“. Отъ того то мы видимъ, что у насъ часто крестьянинъ трудится изъ за одной соломы, лишь бы только себя чувствовать человѣкомъ, хозяиномъ въ своемъ дѣлѣ. Но все же обезземеленіе крестьянъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Уже теперь есть у насъ около 7 милліоновъ безземельныхъ крестьянъ, и, если только не произойдетъ переворота въ нашихъ хозяйственныхъ порядкахъ, то такихъ обездоленныхъ скоро наберется гораздо больше на радость и на потѣху капиталистамъ, которые проливаютъ слезы о томъ, что у насъ на Руси „рабочихъ рукъ“ мало. Посмотримъ же теперь, какъ распоряжаются капиталисты этими „рабочими руками“, попавшими въ ихъ власть. Посмотримъ, какъ извлекаютъ они изъ нихъ тотъ барышъ, къ которому всякій изъ нихъ обнаруживаетъ ни чѣмъ неутолимую алчность.

ГЛАВА VI.

Прибавочная цѣнность.

Всякій капиталистъ, затратившій капиталъ на какое нибудь предпріятіе, конечно, имѣетъ въ виду одну только цѣль—получить барышъ. Если бы не эта прибыль, то ни одинъ бы капиталистъ не велъ никакихъ предпріятій. А такъ какъ мы видимъ, что капиталистическія предпріятія растутъ, какъ грибы послѣ дождя, то очевидно капиталъ даетъ не малую прибыль, на которую такъ падки капиталисты. Откуда же берется эта прибыль на капиталъ? Ходячее мнѣніе гласитъ, что прибыль происходитъ, отъ купли-продажи: покупаютъ дешево, а продаютъ дороже, т. е. что прибыль на капиталъ производится на рынкѣ вслѣдствіе обмѣна. Посмотримъ, вѣрно ли это. Фабриканту ситцевъ нужно купить себѣ, примѣрно, паровой ткацкій станокъ. Онъ вывозитъ на рынокъ ситцы, въ которыхъ заключается 500 дней труда и настоящая цѣнность которыхъ, примѣрно, 500 руб. Происходитъ ли на рынкѣ новая цѣнность отъ того, что фабрикантъ продаетъ свои ситцы? Конечно, нѣтъ. У фабриканта была товарная цѣнность на 500 руб. и у иокупателя денежная цѣнность на 500 руб. Когда они обмѣнялись между собою, то на рынкѣ по прежнему осталось цѣнностей на 1000 руб. и отъ обмѣна не прибавилось цѣнностей ни на мѣдный грошъ. Откуда же взялась прибыль фабриканта? Положимъ теперь, что всякій фабрикантъ продаетъ свой товаръ дороже его настоящей стоимости. Нашъ фабрикантъ продаетъ свои ситцы не за 500 руб., а за 600 руб. Когда завершится сдѣлка, новой цѣнности отъ нея на рынкѣ все таки не прибавится. Было цѣнностей на 1100 руб. (500 руб. товару у фабриканта и 600 руб. денегъ у покупателя), сколько же осталось. Только теперь у фабриканта цѣнностей на 600 руб., а у покупателя на 500 руб. Цѣнностей осталось столько же, сколько и было, но фабрикантъ получилъ на 100 руб. лишнихъ цѣнностей. Можетъ быть эти 100 руб. и составляютъ прибыль

фабриканта? Ничуть не бывало. Если всякій фабрикантъ продаетъ свой товаръ дороже его настоящей цѣнности, то въ концѣ концовъ никто изъ нихъ ничего не выгадываетъ. Нашъ фабрикантъ получилъ 600 руб. за ситцы, настоящая цѣнность которыхъ 500 руб. Онъ хочетъ купить ткацкій станокъ, цѣнность котораго тоже 500 руб. Но фабрикантъ станковъ тоже долженъ получить за станокъ дороже его настоящей цѣнности, т. е. не 500 руб., а 600 руб. Нашъ фабрикантъ ситцевъ, выгадавшій на продажѣ ихъ 100 руб. долженъ теперь потерять ихъ на покупкѣ станка, безъ котораго ему нельзя обойтись. Такимъ образомъ, мы видимъ, что отъ обмѣна не могутъ получиться новыя цѣнности, что не обмѣнъ доставляетъ капиталисту прибыль на капиталъ. Но все же фабрикантъ ситцевъ долженъ продать свой товаръ и долженъ получить гдѣ нибудь свою прибыль. Иначе онъ и дѣло не заводилъ бы. Дѣйствительно, фабрикантъ получаетъ прибыль при продажѣ своего товара, но не отъ продажи (обмѣна). Значитъ, прибыль на капиталъ должна производится передъ продажей или до обмѣна. Но такъ какъ не съ неба же свалится лишняя цѣнность (прибыль) на голову капиталиста, то остается только возможнымъ допустить, что прибыль на капиталъ производится во время самаго производства товаровъ. Но производствомъ товара занимаются „рабочія руки“. Слѣдовательно, только эти горемычныя руки производятъ, доставляютъ прибыль капиталисту. Посмотримъ какъ это происходитъ. Капиталистъ хотѣлъ устроить фабрику ситцевъ. Онъ построилъ зданіе, закупилъ машины, выписалъ хлопокъ. Но ему нужны еще „рабочія руки“. Безъ нихъ и свѣтъ не милъ капиталисту при всѣхъ его машинахъ. Мы уже знаемъ, что „рабочія руки“ можно добыть на рынкѣ, наравнѣ съ другими товарами. Туда и направляетъ капиталистъ свои стопы. Онъ нанимаетъ „рабочія руки“. Что это значитъ? Это значитъ, что онъ покупаетъ у рабочихъ ихъ рабочую силу на извѣстный срокъ: на день или на мѣсяцъ и т. д. Сколько онъ имъ

платитъ за нее? Такъ какъ рабочая сила продается на рынкѣ, и она товаръ, то цѣнность рабочей силы, какъ и цѣнность всякаго товара, измѣряется количествомъ труда, какое необходимо для ея производства. Рабочая сила, въ противоположность всѣмъ прочимъ товарамъ, производится въ самомъ тѣлѣ человѣка. Для того, чтобы человѣкъ могъ имѣть рабочую силу, ему необходимо пить, ѣсть, имѣть одежду и жилище; а для того, чтобы добыть все это, необходимъ трудъ. Слѣдовательно, цѣнность рабочей силы измѣряется количествомъ труда, какое необходимо для производства средствъ къ жизни рабочаго. Но рабочій смертенъ, а рабочая сила требуется постоянно. Со смертью рабочаго прекращается его рабочая сила, а капиталистъ можетъ остаться безъ „рабочихъ рукъ". Слѣдовательно, рабочій долженъ имѣть замѣстителя, который доставитъ капиталисту рабочую силу. Поэтому цѣнность рабочей силы измѣряется количествомъ труда, какое необходимо для производства средствъ въ жизни рабочаго и его семьи. Эту цѣнность рабочій получаетъ въ видѣ рабочей платы. Итакъ, капиталистъ, будущій фабрикантъ ситцевъ, долженъ уплатить рабочимъ цѣнность ихъ рабочей силы. Что же онъ получаетъ отъ нихъ за это? Набравши на рынкѣ ватагу „рабочихъ рукъ", онъ ведетъ ихъ къ себѣ на фабрику и заставляетъ работать. „Рабочія руки" начинаютъ производить ему ситцы. Фабрикантъ долженъ уплатить рабочимъ цѣнность ихъ рабочей силы за извѣстное время, а самъ получаетъ трудъ рабочихъ за то же время. Мы уже знаемъ, что раздѣленіе труда дѣлаетъ трудъ производительнымъ, т. е., что каждый производитель производитъ, напр., въ одинъ день больше продуктовъ, чѣмъ ему необходимо для существованія на одинъ день. Рабочій, другими словами, производитъ больше цѣнности, чѣмъ стоитъ его рабочая сила за этотъ день. Если для производства себѣ пищи, платья и пр. рабочій долженъ трудиться 6 часовъ въ день, то эти 6 час. труда называются необходимымъ трудомъ. 6 час. въ день необ-

ходимо трудиться рабочему, чтобы содержать себя, чтобы выработать цѣнность своей рабочей силы. Если онъ работаетъ больше 6 час. въ день, то трудъ его сверхъ 6 час. будетъ называться прибавочнымъ трудомъ. Итакъ, рабочій день заключаетъ въ себѣ трудъ необходимый (цѣнность рабочей силы) и трудъ прибавочный.

Нашъ ситцевый фабрикантъ нанимаетъ рабочихъ и долженъ уплатить имъ цѣнность рабочей силы за каждый день, т. е. онъ уплачиваетъ каждый день только за необходимый рабочій трудъ (6 час.) Если бы рабочіе трудились только по 6 часовъ въ день, то они выработали бы лишь столько, сколько стоитъ ихъ содержаніе, и капиталистъ не получилъ бы никакой прибыли. Онъ однако заставляетъ ихъ работать 12 часовъ въ день. Такимъ образомъ, онъ получаетъ отъ рабочихъ каждый день лишнихъ 6 час. труда, т. е. 6 часовъ прибавочнаго труда, за который онъ имъ ничего не уплачиваетъ. Каждый день рабочіе въ первые 6 час. труда (необходимый трудъ) вырабатываютъ цѣнность своей рабочей силы (то, что они получаютъ отъ капиталиста въ видѣ заработной платы); а въ остальные 6 часовъ прибавочнаго труда рабочіе производятъ прибавочную цѣнность, за которую фабрикантъ имъ ничего не платитъ. Эта прибавочная цѣнность есть прибыль капиталиста. Возьмемъ примѣръ. Фабрикантъ уплачиваетъ рабочимъ по 50 коп. въ день. Каждый рабочій можетъ соткать въ день 10 арш. ситца, который продается по 20 коп. за арш. Положимъ, что пряжа на каждый арш. ситца стоитъ 5 коп., и что расходъ на машины, зданія и проч. ложится по 5 коп. на каждый аршинъ, такъ что матеріалъ на каждый аршинъ ситца обходится фабриканту въ 10 коп. Началъ рабочій работать и проработалъ полдня (6 час.), соткалъ онъ за это время 5 арш. ситца. Какую цѣнность онъ произвелъ? 5 арш. ситца по 20 коп. стоятъ рубль. Но фабриканту стоитъ матеріалъ на каждый аршинъ по 10 коп., на 5 арш. — 50 коп. Слѣдовательно, рабочій произвелъ въ полдня чистой цѣнности на

50 коп. Это какъ разъ столько, сколько уплачиваетъ ему капиталистъ за его рабочую силу за цѣлый день. 6 час., которые рабочій трудился, для него—необходимый трудъ. 50 коп. цѣнности, которую онъ произвелъ, для него—необходимая цѣнность. Если-бы рабочій послѣ этихъ 6 час. забастовалъ, то фабрикантъ никакой прибыли не получилъ бы. Онъ затратилъ одинъ рубль (50 коп. рабочему и 50 коп. матеріалу на 5 арш.) и получилъ бы одинъ руб. Но работникъ трудится еще 6 час.,—это его прибавочный трудъ, и производитъ еще 5 арш. ситца. Какую цѣнность онъ теперь произвелъ? 5 арш. ситца по 20 коп.—1 рубль. Долой за матеріалъ 50 коп., остается 50 коп. чистыхъ. Рабочій своимъ трудомъ прибавочнымъ произвелъ прибавочную цѣнность въ 50 коп., которая попадаетъ прямо въ карманъ фабриканта. Это и есть прибыль. Итакъ, нашъ фабрикантъ отъ каждаго рабочаго получаетъ 50 коп. прибавочной цѣнности или прибыли въ день. Теперь намъ станетъ понятно, отчего капиталисты такъ плачутся на то, что у нихъ „рабочихъ рукъ“ мало. Онѣ нужны имъ для выжиманія прибавочной цѣнности. Величина ее зависитъ: во 1-хъ, отъ числа рабочихъ, работающихъ на капиталиста; во 2-хъ, отъ длины рабочаго дня, и въ 3-хъ, отъ производительности труда. Чѣмъ больше „рукъ“ занято у капиталиста, тѣмъ больше получаетъ онъ прибавочной цѣнности, тѣмъ больше его прибыль. Чѣмъ длиннѣе рабочій день, тѣмъ больше прибавочный трудъ, тѣмъ большую прибавочную цѣнность получаетъ капиталистъ. Если нашъ фабрикантъ ухитрится заставить рабочихъ работать не 12 час. въ день, а 18, то всякій рабочій сработаетъ 15 арш. ситца въ день, употребивъ не 6, а 12 час. прибавочнаго труда, и доставитъ капиталисту не 50 коп., а цѣлый рубль прибавочной цѣнности. Чѣмъ производительнѣе трудъ рабочаго, тѣмъ меньше будетъ его трудъ на себя, т. е. необходимый трудъ, и тѣмъ больше будетъ его трудъ на капиталиста, т. е. прибавочный трудъ и производство прибавочной цѣнности. У нашего фабрикан-

та рабочій получаетъ 50 коп. въ день и вырабатываетъ 10 арш. ситца; слѣдовательно, за каждый арш. ему приходится 5 коп. Фабрикантъ продаетъ аршинъ ситца по 20 коп. Изъ нихъ 10 коп. приходится на матеріалъ. Остается 10 коп. на долю фабриканта и рабочаго. 5 коп. получаетъ рабочій (заработная плата за 1 арш.), а 5 коп. капиталистъ (его прибыль). Т. е. чистая цѣнность товара (безъ матеріала) состоитъ изъ заработной платы и прибыли капиталиста. Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ больше заработная плата, тѣмъ меньше должна быть прибыль, и наоборотъ. Если рабочая плата поднялась до 70 коп. въ день, то прибыль капиталиста упала-бы до 30 коп.; изъ чистой цѣнности аршина ситца рабочій получилъ бы 7 коп., а капиталистъ—3 коп.

Изъ этого видно, что между капиталистомъ и рабочимъ должна происходить постоянная борьба. Капиталистъ наровитъ удлинить рабочій день и уменьшить рабочую плату, а рабочій стремится сократить рабочій день и увеличить плату.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, какія выгоды въ этой борьбѣ имѣетъ капиталистъ противъ рабочаго, выгоды, которыя отдаютъ рабочаго связаннымъ по рукамъ и по ногамъ во власть капиталиста. Мы только что сказали, что если заработная плата увеличиться, то прибыль фабриканта на столько же уменьшится. Но, можетъ быть, онъ можетъ наверстать потерянное, повысивши цѣну товара, продавая, напримѣръ, аршинъ ситца по 22 коп.? Нѣтъ, капиталисту предѣлъ положенъ. Если онъ захочетъ поднять цѣну своего ситца, то конкуренція другихъ фабрикантовъ не допуститъ его до этого. Они будутъ продавать ситецъ по 20 коп. и нашъ фабрикантъ останется безъ покупателей. Фабрикантъ долженъ довольствоваться той прибылью, какая остается на его долю изъ чистой цѣнности товара, за вычетомъ заработной платы и др. расходовъ. Теперь мы дѣйствительно видимъ, что не отъ продажи своего товара фабрикантъ получаетъ прибыль.

Прибыль производится раньше продажи, внѣ рынка, производится прибавочнымъ трудомъ рабочаго, въ видѣ *прибавочной цѣнности*. Но только при продажѣ товара обнаруживается (или реализируется) прибыль капиталиста. Только теперь обнаруживается, что фабрикантъ въ видѣ своихъ товаровъ продаетъ трудъ рабочихъ, затраченный въ опредѣленный промежутокъ времени; рабочимъ же онъ уплатилъ не за весь трудъ, который отъ нихъ получилъ, а только за трудъ, необходимый для ихъ существованія, т. е. цѣнность рабочей силы.

Разобранный нами случай извлеченія прибавочной стоимости изъ „рабочихъ рукъ“ является наиболѣе рѣзкой и ясной формой эксплуатаціи рабочаго капиталистомъ. Дѣйствительно, чего яснѣе! Съ одной стороны—рабочій, который ничего кромѣ своихъ рукъ не имѣетъ, съ другой стороны—капиталистъ, у котораго на лицо всѣ средства производства. Понятно, что злая необходимость приводитъ рабочаго въ лапы капиталиста, который, будьте спокойны, выжметъ изъ него все, что можно. Какъ ни жестоко и несправедливо такое положеніе вещей, фактъ, однако, тотъ, что при немъ капиталъ принимаетъ дѣятельное и прямое участіе въ производствѣ: при его помощи строятся фабрики, покупаются машины, заготовляется сырье, распредѣляется работа, пріискивается рынокъ для сбыта товаровъ, онъ же постоянно стремится увеличить производительность труда. Поскольку обладатель капитала принимаетъ *прямое* участіе въ производствѣ, онъ, какъ и рабочій, имѣетъ право на долю въ продуктахъ, произведенныхъ совмѣстнымъ трудомъ. Бѣда только въ томъ, что благодаря своему положенію, капиталистъ можетъ брать себѣ львиную долю.

Но и есть такія формы эксплуатаціи рабочихъ капиталистомъ, при которомъ послѣдній никакого отношенія къ самому процессу производства не имѣетъ, что, однако, отнюдь не мѣшаетъ ему заполучить всю прибавочную стоимость, производимую трудомъ рабочихъ. Есть у насъ

на Руси цѣлыя деревни, которыя живутъ кустарнымъ промысломъ. Кустари, это мелкіе ремесленники—слесаря, сапожники и т. п.,—которые работаютъ у себя на дому, владѣютъ необходимыми для ихъ дѣла инструментами, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ не имѣютъ на что купить сырой матеріалъ—желѣзо, кожу и т. д.,—изъ котораго они выдѣлываютъ свои продукты. Тутъ то и объявляется капиталистъ въ лицѣ городского купца или деревенскаго кулака. Онъ говоритъ злосчастному кустарю: „Есть у тебя чѣмъ работать, да не на что сырье купить. Дамъ я тебѣ денегъ на покупку сырья, но за то, ужъ какъ хочешь, товаръ то свой ты мнѣ сдашь по сходной цѣнѣ“. По горькому опыту знаетъ кустарь, что эта „сходная“ цѣна означаетъ. Знаетъ онъ, что за товаръ свой получитъ малымъ больше того, во что ему обошлось сырье. Но дѣлать нечего, все равно хоть въ петлю полѣзай. Беретъ у купца деньги, покупаетъ сырье и на время становится какъ будто самостоятельнымъ хозяиномъ-производителемъ. Но это только горькая насмѣшка судьбы: когда онъ сработаетъ свой товаръ и снесетъ его купцу, которому онъ долженъ, то окажется, что въ приходѣ у него будетъ столько же, если не меньше, чѣмъ у любого фабричнаго рабочаго, у котораго ничего кромѣ „рукъ“ нѣтъ.

Нашъ купецъ въ самомъ процессѣ производства не участвовалъ. Ему дѣла нѣтъ, какими орудіями кустарь работаетъ и сколько времени слесарь возится надъ изготовленіемъ замка или сапожникъ надъ шитьемъ сапога. Онъ не долженъ ломать себѣ голову, какъ бы усовершенствовать производство и сдѣлать трудъ болѣе производительнымъ. Онъ знаетъ, что возьметъ свое. Если, благодаря фабричной конкуренціи, цѣна на замки понизится, онъ нажметъ больше кустаря и выдавитъ изъ него не только всю прибавочную стоимость, произведенную его трудомъ, но еще часть необходимой.

Въ такомъ же положеніи, какъ кустарь по отноше-

нію къ купцу, находится крестьянинъ-земледѣлецъ по отношенію къ помѣщику. Мы уже раньше упоминали, что земля, которую крестьяне обрабатывали изъ вѣка въ вѣкъ, стала собственностью помѣщика, и что послѣ уничтоженія крѣпостного права крестьянамъ дали надѣлы, *недостаточные* для содержанія семьи. Сдѣлано это было для того, чтобы крестьяне были вынуждены пользоваться землею помѣщиковъ, и пользоваться, само собою разумѣется, не даромъ. Помѣщикъ сдаетъ въ аренду или за часть урожая землю крестьянину, который пашетъ ее своимъ плугомъ и своимъ скотомъ, засѣваетъ ее своимъ зерномъ, удобряетъ ее, когда нужно, — словомъ продѣлываетъ на свой страхъ всѣ операціи, изъ которыхъ состоитъ производство хлѣба. Помѣщикъ же въ это производство не вмѣшивается; но его дѣло получить въ видѣ арендной платы или части урожая прибавочную стоимость, произведенную земледѣльцемъ.

Изъ сказаннаго видно, что капиталъ извлекаетъ прибавочную стоимость изъ производителя не только тогда, когда послѣдній уже лишенъ средствъ производства и превращенъ въ „рабочія руки“, но и тогда, когда производитель находится еще въ положеніи полусамостоятельнаго хозяина. Капиталистъ, который орудуетъ надъ „рабочими руками“, самъ долженъ устраивать производство и заботиться объ успѣхѣ и усовершенствованіи его. Хотя онъ въ этомъ случаѣ имѣетъ въ виду только свою личную выгоду, т. е. полученіе прибыли, и безбожно давитъ рабочаго, тѣмъ не менѣе онъ помимо своей воли приноситъ пользу обществу тѣмъ, что по необходимости постоянно улучшаетъ способы производства и этимъ увеличиваетъ производительность труда, кромѣ того на свою голову пріучаетъ рабочихъ къ совмѣстной сложной работѣ,—общественному производству. Когда же капиталистъ высасываетъ соки изъ полусамостоятельныхъ производителей, играя въ процессѣ производства только роль безплоднаго трутня, то это не больше, какъ ничѣмъ не-

оправдываемый общественно-организованный грабежъ.

Какимъ бы манеромъ прибавочная стоимость ни извлекалась изъ рабочаго класса, она является *единственнымъ* источникомъ прибыли въ капиталистическихъ предпріятіяхъ. Въ каждомъ данномъ предпріятіи величина получаемой капиталистомъ прибыли должна, поэтому, прямо зависѣть отъ числа рабочихъ, которые у него заняты производствомъ товаровъ: чѣмъ больше у него рабочихъ, тѣмъ больше онъ получаетъ прибавочной стоимости, тѣмъ больше должна быть его прибыль. Представимъ себѣ теперь такой случай. Два купеческихъ сынка получили въ наслѣдство каждый по 10.000 руб. Милые братцы крѣпко сходились на одномъ, а именно, что капиталъ надо пускать въ оборотъ и пріумножать, но вкусы у нихъ были разные. Одинъ былъ тихій и больше держался старины, а другой былъ предпріимчивый и только мечталъ о томъ, какъ бы этакъ какое нибудь новое и выгодное дѣло въ ходъ пустить. Вотъ тихоня высмотрѣлъ себѣ крупный кожевенный заводъ, на которомъ все по дѣдовскому обычаю дѣлалось—вродѣ что никакихъ машинъ, постройки неважныя, все дешево оборудовать можно. Правда, дѣло было такое, что требовалось для него много рабочихъ—цѣлыхъ 50—но нашъ тихоня этого не боялся: онъ бывалъ уже въ дѣлѣ и зналъ, что при капиталѣ изъ рабочаго веревки вить—дѣло вовсе не хитрое. Употребилъ онъ такимъ образомъ всѣ свои 10.000 на покупку завода, сырья, на наемъ рабочихъ,—словомъ, пустилъ дѣло полнымъ ходомъ.

Другой братъ прослышалъ, что въ Америкѣ машину изобрѣли, которая сапоги шьетъ. Дай-ка, говоритъ онъ себѣ, я заведу у насъ „механическую мануфактуру обуви“. Сказано-сдѣлано. Выписалъ онъ дорогія заморскія машины, построилъ подходящее зданіе, купилъ кожи, нанялъ рабочихъ и началъ сапоги производить. Какъ и другой братъ, онъ положилъ въ дѣло цѣликомъ всѣ свои 10.000. Но при его машинахъ ему можно было занять только 30 человѣкъ рабочихъ. У обоихъ братьевъ

дѣла пошли хорошо, и стала у нихъ деньга деньгу родить. Итакъ, оба брата пустили въ дѣло одинаковый капиталъ—10.000 р. Но у одного изъ нихъ производство такое, что при этомъ капиталѣ можно занять 50 человѣкъ рабочихъ, а другой употребляетъ только 30 человѣкъ. Кто изъ нихъ получитъ больше прибыли?

Такъ какъ мы знаемъ, что величина прибавочной стоимости, а потому и прибыли, растетъ съ числомъ рабочихъ, то, повидимому, выходитъ, что кожевникъ долженъ получить прибыли больше, чѣмъ владѣлецъ, „механической мануфактуры обуви“: На перваго 50 рабочихъ работаетъ, на послѣдняго только 30. Такъ бы оно и было, если бы сюда не вмѣшалось одно знакомое уже намъ хозяйственное явленіе, именно *конкуренція*.

Если бы кожевникъ дѣйствительно имѣлъ больше прибыли, чѣмъ его предпріимчивый братъ, то онъ во всякомъ случаѣ не долго могъ бы пользоваться сладостью своего положенія. А почему? Просто потому, что до хорошей наживы охотниковъ много, и не мало найдется капиталистовъ, которые набросятся на кожевенное дѣло въ надеждѣ выгадать на немъ больше, чѣмъ на какомъ нибудь другомъ. И выйдетъ изъ того то, что кожъ будетъ производится слишкомъ много, предложеніе усилится, произойдетъ конкуренція между продавцами, рыночная цѣна кожъ упадетъ ниже ихъ дѣйствительной стоимости, и прибыль кожевника поэтому уменьшится: часть прибавочной стоимости, которую онъ вытянулъ изъ рабочихъ, ускользнетъ изъ его рукъ. Это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока прибыль въ кожевенномъ дѣлѣ сравняется съ прибылью, которую даетъ „механическая мануфактура обуви“ или другое подобное дѣло, въ которомъ при одинаковомъ капиталѣ занято сравнительно меньше рабочихъ и затрачено сравнительно больше на машины, постройки и прочее. Если цѣна на кожи упадетъ еще ниже, тогда часть капиталистовъ броситъ это производство и займется такимъ, которое даетъ, по

крайней мѣрѣ, столько же прибыли на капиталъ какъ и „механическая мануфактура обуви“. Съ уменьшеніемъ производства рыночная цѣна кожъ поднимается, и нашъ тихоня - кожевенникъ опять станетъ получать больше прибыли, но не больше, чѣмъ его хитроумный братъ, потому что конкуренція зорко слѣдитъ за нимъ и ставитъ предѣлъ, если не его завидущимъ глазамъ, то, по крайней мѣрѣ, его загребущимъ рукамъ.

Такимъ образомъ, конкуренція уравниваетъ прибыль во всѣхъ отросляхъ капиталистическаго производства. Достигается это тѣмъ, что въ тѣхъ отрасляхъ, которыя по существу своему могли бы давать большую прибыль, чѣмъ другія, капиталисты находятся въ прегорькой для нихъ необходимости продавать товары ниже ихъ дѣйствительной стоимости и выпустить изъ рукъ часть прибыли, чтобы сохранить остальную.

А развѣ оплачивается когда нибудь весь трудъ рабочаго народа? Что получаетъ онъ въ замѣнъ уплачиваемыхъ имъ налоговъ и податей отъ государства? Большая часть этихъ денегъ идетъ на содержаніе начальства. Другая часть этихъ денегъ идетъ на войско, для котораго отбираютъ на службу у рабочихъ семей самыхъ сильныхъ и здоровыхъ парней, ихъ поильцевъ и кормильцевъ. Немало денегъ идетъ на вспоможеніе промотавшимся помѣщикамъ и жаднымъ фабрикантамъ. И только кое-какія жалкія крохи въ видѣ грошеваго продовольствія при голодѣ, дешевыхъ низшихъ школъ, врачебной помощи и т. п. перепадаютъ рабочему человѣку. Мало того, что отдѣльный помѣщикъ и фабрикантъ тянутъ съ рабочаго человѣка неоплаченный трудъ въ розницу, всѣ они вмѣстѣ, при помощи государства, тянутъ изъ него, тотъ же неоплаченный трудъ, только оптомъ.

Неоплаченный трудъ, прибавочная цѣнность во всѣхъ формахъ и видахъ—вотъ основа благосостоянія всѣхъ богатыхъ классовъ и сословій. Теперь можно, имѣя деньги, ничего не дѣлать: достаточно положить денежки въ банкъ

и получать превосходнымъ образомъ проценты. Деньга деньгу родитъ. Что же, однако, это за чудесное рожденіе? И кто при немъ состоитъ повитухой? Очень просто. Тотъ же фабрикантъ, тотъ же помѣщикъ, тотъ же купецъ, выжимающій прибавочную цѣнность изъ рабочаго человѣка. Они только потому и могутъ выжимать изъ него неоплаченный трудъ, что голыми руками ничего не сработаешь: нужна земля, матеріалы, инструменты, машины, а для покупки всего этого нужны деньги. Дай только деньги предпріимчивому ловкому человѣку—онъ моментомъ пуститъ въ ходъ всю машину выкачиванья изъ рабочаго человѣка неоплаченнаго труда. Но есть люди неумѣлые, которые не знаютъ, какъ со своими деньгами распорядиться. Для нихъ то и устроены банки да сберегательныя кассы. Складывайте-ка въ нихъ деньги, господа неумѣлые да лѣнивые! Ловкіе да проворные будутъ эти денежки брать въ пользованіе, а барыши пополамъ! Часть пойдетъ вкладчику, часть устроителю банка, часть останется тому, кто попользуется деньгами для устройство своего заведенія.

Такъ то вотъ на спинахъ рабочихъ людей выростаетъ цѣлая лѣстница господъ: скупщики, прасолы, міроѣды, подрядчики, купцы, помѣщики, заводчики, фабриканты, банкиры, просто „живущіе на капиталъ“ и т. д. Всѣ они составляютъ одну дружную семью, одинъ громадный *классъ эксплуататоровъ* (грабителей чужого труда): а противъ нихъ стоитъ одинъ неизмѣримо болѣе громадный *классъ тружениковъ-рабочихъ*.

ГЛАВА VII

Заработная плата.

Всякій человѣкъ, которому особая „божья милость“ не представляетъ возможности жить на счетъ чужого труда, поставленъ въ непріятную необходимость добывать

себѣ средства къ существованію. А для этого онъ долженъ трудиться. Что значитъ трудиться? Трудиться—значитъ прилагать свою рабочую силу къ предметамъ природы для того, чтобы извлечь изъ нихъ полезности для человѣка. Земледѣлецъ прилагаетъ свою силу къ землѣ и въ концѣ концовъ получаетъ изъ нея полезность въ видѣ хлѣба; рудокопъ роется въ землѣ и извлекаетъ изъ нея полезность въ видѣ мѣди, серебра и т. д. Изъ этого очень ясно, что человѣкъ, для добыванія себѣ средствъ къ существованію, долженъ имѣть, во первыхъ, рабочую силу, во вторыхъ, тѣ предметы природы, къ которымъ, онъ долженъ приложить свои силы, т. е. средства производства. Въ стародавнія времена такъ и было, что, кто обладалъ рабочей силой, тотъ имѣлъ средства производства. Но съ тѣхъ поръ человѣчество дожило до другихъ порядковъ. Мы уже видѣли, какъ производитель проходилъ свои мытарства, какъ онъ вышелъ изъ нихъ, лишенный средствъ производства. Прежде производитель и средства производства составляли одно цѣлое, какъ составляетъ одно цѣлое рыба и вода, въ которой она живетъ. Теперь-же производитель разодранъ на двое: ему оставлена его рабочая сила (вѣроятно потому, что нельзя ее выдрать изъ него), а средства производства попали въ руки капиталистамъ. Рабочая сила, какъ бы велика она ни была, не можетъ создать средства къ существованію изъ пустого мѣста: ей необходимы средства производства, а голодъ заставляетъ ее неудержимо тянуться къ нимъ. Тутъ то капиталистъ и заарканиваетъ ее, горемычную, и заставляетъ работать на себя.

Мы видѣли въ предыдущей главѣ, какимъ образомъ капиталистъ выжимаетъ изъ рабочей силы *прибавочную цѣнность—свою прибыль*—уплачивая рабочимъ только *необходимую цѣнность* рабочей силы. Теперь мы разсмотримъ поближе эту необходимую цѣнность, которую рабочіе получаютъ въ видѣ заработной платы.

Рабочій выноситъ свою рабочую силу на рынокъ,

гдѣ ее покупаетъ капиталистъ. На рынкѣ рабочая сила разсматривается какъ товаръ, потому цѣнность ея опредѣляется такъ же точно для рабочей силы, какъ и для всякаго другого товара.

Мы уже видѣли, что цѣнность рабочей силы опредѣляется количествомъ труда, необходимаго для ея производства, т. е. количествомъ средствъ къ жизни, которое необходимо для рабочаго и для его семьи. Цѣнность этихъ средствъ, или такъ называемую необходимую цѣнность, рабочіе получаютъ въ видѣ заработной платы. Чѣмъ меньше цѣнность средствъ къ жизни рабочаго, тѣмъ меньше его заработная плата и наоборотъ. Слѣдовательно, увеличеніе заработной платы вовсе еще не доказываетъ, что положеніе рабочихъ улучшилось. Надо принять во вниманіе цѣнность средствъ къ жизни и тогда судить. Если, напримѣръ, въ теченіи 15 лѣтъ заработная плата увеличилась въ 2 раза, но средства къ жизни вздорожали въ 4 раза противъ прежняго, то положеніе рабочихъ, конечно, сдѣлается хуже, хотя заработная плата повидимому и увеличится.

Количество средствъ къ жизни или величина заработной платы, которую получаютъ рабочіе, зависитъ отъ ихъ привычекъ и обычаевъ, отъ климата въ которомъ они живутъ. Англійскій рабочій не обходится безъ мяса и кофе каждый день и пьетъ много пива. Это уже такъ вкоренилось въ его нравъ, что эти продукты онъ считаетъ необходимыми для своего существованія и безъ нихъ плохо работаетъ. Такъ что заработная плата англійскаго рабочаго, между прочимъ, должна заключать въ себѣ и цѣнность этихъ продуктовъ, о которыхъ нашъ русскій рабочій знаетъ только по наслышкѣ.

Рабочая плата нашего фабричнаго даетъ ему возможность питаться хлѣбомъ, квасомъ, квашенной капустой и рѣдькой. Англійскіе рабочіе въ прахъ разнесли бы капиталистовъ съ ихъ фабриками, если бы ихъ заработ-

ной платы хватило только на такую пищу, на которой святые угодники спасались. А наши довольствуются.

Чѣмъ образованнѣе и развитѣе рабочіе, тѣмъ больше имъ необходимо средствъ, чтобы по человѣчески жить и быть въ состояніи хорошо работать.

Англійскій и нѣмецкій фабричный не станетъ жить въ такихъ конурахъ, въ какихъ живетъ нашъ. Кромѣ того, имъ необходима иногда книжка, они читаютъ газеты, заглядываютъ иногда въ театръ. Ихъ заработной платы должно хватить и на это. Иначе на фабрикахъ выходятъ постоянные безпорядки, и работы идутъ плохо.

Климатъ тоже имѣетъ вліянія на величину заработной платы. Итальянскій рабочій, который живетъ въ тепломъ и благодатномъ климатѣ, можетъ довольствоваться такой одеждой, которая только прикрываетъ его наготу; что касается квартиры, то если есть у него она,—хорошо; нѣтъ ея—тоже не бѣда: онъ хорошо проспитъ ночь гдѣ нибудь на крыльцѣ чужого дома или просто на улицѣ. А русскому рабочему необходимъ полушубокъ, валенки, ему нужна теплая квартира. Кромѣ того, русскому рабочему необходима рюмка водки, потому что въ сильные холода и при плохой пищѣ безъ этого согрѣвательнаго не обойдешься. Въ сравненіи съ итальянскимъ рабочимъ, русскій получаетъ большую заработную плату, но ему отъ этого не легче, потому что ему больше приходится затрачивать на такіе продукты, безъ которыхъ онъ могъ бы обойтись въ тепломъ климатѣ.

Итакъ, заработная плата должна имѣть такую величину, которая зависитъ отъ привычекъ, умственнаго развитія рабочихъ и отъ климата, въ которомъ они живутъ. Ниже и выше этой величины заработная плата при обычныхъ условіяхъ не можетъ долго продержаться. Скоро увидимъ почему.

Мануфактурные рабочіе всегда получаютъ большую заработную плату, чѣмъ фабричные. На мануфактурѣ работаютъ ремесленники, лишенные орудій производства.

Прежде, чѣмъ сдѣлаться хорошимъ ремесленникомъ, нужно затратить много труда на выучку. Этотъ трудъ обученія и увеличиваетъ цѣнность рабочей силы ремесленника. Восьмемъ примѣръ. Предположимъ, что слесарь, пока выучится своему ремеслу, долженъ затратить на свое содержаніе, порчу матеріала и инструментовъ, плату мастеру за обученіе—900 руб. Все равно, имѣетъ ли слесарь эти 900 руб. и прямо затрачиваетъ ихъ или поступаетъ на выучку къ какому нибудь хозяину-слесарю. Въ этомъ случаѣ онъ долженъ отработать хозяину нѣсколько лѣтъ до выучки или послѣ нея. Словомъ, для того, чтобы обучиться слесарному ремеслу, нужно затратить на 900 руб. цѣнностей въ видѣ продуктовъ или труда. Если всякій слесарь послѣ выучки въ состояніи работать въ среднемъ выводѣ 30 лѣтъ, то расходы обученія слесаря ложатся на каждый годъ работы въ 30 руб. Если *необходимая цѣнность* обыкновенной рабочей силы (т. е. средства существованія рабочаго и его семьи) 150 руб. въ годъ, то мануфактуристъ, нанявшій себѣ ремесленника на годъ заплатитъ ему не только эти 150 руб., но еще и тѣ 30 руб. (израсходованные на обученіе), которые падаютъ на этотъ годъ работы. Слѣдовательно, цѣнность рабочей силы ремесленника заключаетъ въ себѣ не только цѣнность необходимыхъ средствъ существованія, но и цѣнность тѣхъ средствъ, которыя затрачены на обученіе его.

Чѣмъ больше выучки нужно ремесленнику, тѣмъ больше цѣнность его рабочей силы, тѣмъ больше его заработная плата. Слесарь получаетъ большую заработную плату, чѣмъ кузнецъ; часовыхъ дѣлъ мастеръ — большую плату, чѣмъ слесарь, а ремесленникъ, выдѣлывающій всякіе хитрые инструменты (зрительныя трубы, микроскопы), получаетъ еще большую плату.

Разсмотрѣвши цѣнность рабочей силы, обратимся теперь къ *рыночной цѣнѣ* ея. Мы видѣли, сколько *необходимо* рабочему; теперь посмотримъ, сколько онъ дѣй-

ствительно получаетъ за свою рабочую силу.

Мы уже знаемъ изъ 4-й главы, что рыночная цѣна товара бываетъ то выше, то ниже настоящей цѣнности. При увеличеніи *спроса* происходитъ конкуренція между покупателями, и цѣна товара увеличивается; при увеличеніи *предложенія* конкуренція происходитъ между продавцами, и цѣна товара падаетъ. Вообще же конкуренція стремится приблизить рыночную цѣну товара къ его настоящей цѣнности. Все это относится такъ же къ рабочей силѣ, какъ и ко всякому товару. Если спросъ на рабочую силу увеличивается, напр. вслѣдствіе возникновенія новыхъ капиталистическихъ предпріятій, то происходитъ конкуренція между покупателями (капиталистами), и заработная плата увеличивается выше необходимой цѣнности рабочей силы. Мы знаемъ, что при увеличеніи спроса на какой нибудь товаръ вскорѣ увеличивается производство этого товара и предложеніе его. Какъ же увеличивается производство и предложеніе рабочей силы послѣ увеличенія спроса на нее? А вотъ какъ.

Съ увеличеніемъ заработной платы выше необходимой цѣнности, т. е. выше того, сколько необходимо рабочему для существованія, улучшается положеніе рабочихъ. Это улучшеніе выражается въ томъ, что рабочіе начинаютъ питаться лучше, живутъ въ лучшихъ помѣщеніяхъ, и т. д. Вслѣдствіе этого нужда и болѣзни уносятъ въ раннюю могилу меньше жертвъ, чѣмъ прежде. Остаются въ живыхъ такіе рабочіе, которые умерли бы при худшей жизни, и эти то рабочіе прежде всего увеличиваютъ *предложеніе* рабочей силы. Кромѣ того съ улучшеніемъ положенія рабочихъ, увеличивается у нихъ число браковъ и рождается больше дѣтей, чѣмъ прежде. Дѣти —подростки, живя при лучшей обстановкѣ, меньше подвержены смерти, чѣмъ при дурной обстановкѣ, при которой у насъ, напр., изъ четырехъ дѣтей доживаетъ до рабочаго возраста только одно! И такъ, вслѣдствіе увеличенія заработной платы, уменьшается смертность между

рабочими и ихъ дѣтьми, а это равносильно увеличенію населенія. Кромѣ того населеніе и прямо увеличивается черезъ увеличеніе числа браковъ, т. е. съ увеличеніемъ заработной платы выше необходимой цѣнности, увеличивается производство рабочей силы (косвенное и прямое увеличеніе населенія) и предложеніе ея. Это обстоятельство въ свою очередь вызываетъ конкуренцію продавцевъ (рабочихъ), и рабочая плата должна понизиться. Если рабочая плата упадаетъ ниже необходимой цѣнности, должно произойти уменьшеніе предложенія рабочей силы, какъ это бываетъ со всякимъ другимъ товаромъ. Когда рыночная цѣна товара падаетъ ниже настоящей цѣнности его, производство этого товара сокращается и происходитъ уменьшеніе предложенія его. Но какъ же сократить производство рабочей силы и ея предложеніе? Рабочая сила производится въ самихъ рабочихъ, значитъ, чтобы сократить производство ея, *нужно уничтожить лишнихъ рабочихъ!!!*

Такъ оно бываетъ и на самомъ дѣлѣ. Когда заработная плата упадаетъ ниже необходимой цѣнности (того, что необходимо для существованія рабочихъ), голодъ со своей помощницей смертью вступаетъ во всѣ свои права. При такомъ пониженіи заработной платы рабочіе не могутъ удовлетворять вполнѣ своихъ потребностей: ѣдятъ въ проголодь, живутъ въ грязныхъ и сырыхъ конурахъ, одежда плохо защищаетъ ихъ отъ холода и сырости. Кто послабѣе, не долго выдерживаетъ такую адскую жизнь. Голодъ посылаетъ смерть, и та начинаетъ ходить по рабочей нивѣ и подкашивать жизнь слабыхъ и малыхъ. Кромѣ того, во время такого бѣдственнаго для рабочихъ пониженія рабочей платы уменьшается и число браковъ и рождаемость дѣтей. И такъ при увеличеніи заработной платы населеніе увеличивается косвенно—черезъ увеличеніе продолжительности жизни рабочихъ, и прямо—черезъ увеличеніе числа браковъ; наоборотъ, при уменьшеніи заработной платы населеніе уменьшается прямо—че-

резъ смерть „лишнихъ“ рабочихъ, и косвенно—черезъ уменьшеніе числа браковъ. Такими средствами достигается уменьшеніе производства рабочей силы (трупы рабочихъ не производятъ ея!) и ея предложенія. А съ уменьшеніемъ предложенія опять происходитъ конкуренція между капиталистами, и заработная плата увеличивается. Такимъ образомъ для самихъ рабочихъ повышеніе заработной платы, если только не открываются новыя предпріятія, можетъ быть куплено только цѣною смерти и ужасающихъ страданій другихъ рабочихъ!

Въ такихъ то ужасныхъ тискахъ находится рабочее сословіе вслѣдствіе того, что рабочая сила (а съ нею и личность самого рабочаго) превращена въ товаръ!

Какъ рыночную цѣну товаровъ конкуренція приводитъ къ ихъ *необходимой цѣнности*, такъ и *заработную плату* конкуренція приводитъ къ *настоящей цѣнности* рабочей силы. Если, благодаря временному увеличенію спроса и увеличенію заработной платы, временно и улучшается положеніе рабочихъ, то вслѣдъ за тѣмъ *голодъ и смерть* жестоко наказываютъ ихъ за это короткое благоденствіе.

Эти ужасные тиски нѣмецкій соціалистъ Лассаль предложилъ даже назвать *желѣзнымъ закономъ* заработной платы, который имѣетъ такую страшную, подавляющую силу только вслѣдствіе того, что рабочіе лишены орудій производства и должны продавать свою рабочую силу тѣмъ, кто имѣетъ эти орудія. Рабочіе должны продавать свою рабочую силу, какъ товаръ. Поэтому между ними должна происходить конкуренція, какъ и между другими продавцами товаровъ. Словомъ, *желѣзный законъ* заработной платы и ужасная власть *голода* прямо происходитъ отъ теперешнихъ порядковъ *капиталистическаго хозяйства*. Мы видимъ, однако, что этотъ желѣзный законъ только потому, только до тѣхъ поръ и желѣзный, пока среди рабочихъ господствуетъ конкуренція. Конечно, если рабочіе бредутъ всѣ врозь и дѣйствуютъ по правилу „всякій за себя, одинъ

богъ за всѣхъ“—такъ они неизбѣжно сами сбиваютъ свою заработную плату до самаго низкаго уровна, при которомъ можно только еле-еле перебиваться съ хлѣба на квасъ. И не выбиться рабочимъ изъ этой каторжной жизни, пока они не поймутъ, что нужно каждому стоять за всѣхъ и всѣмъ за каждаго; не толкать, не тѣснить другъ друга надо, не подставлять другъ другу ножку въ погонѣ за наживой, а общими силами тѣснить только общаго врага-хозяина, вынуждая его къ уступкамъ.

Только тогда уничтожится въ корнѣ капиталистическое хозяйство, исчезнетъ совсѣмъ конкуренція между рабочими людьми, а, стало быть, исчезнетъ и грозный призракъ „желѣзнаго закона“. Но и теперь положеніе рабочихъ не безнадежно. Рабочіе союзы, забастовки, всякіе способы дружнаго отстаиванья своихъ общихъ интересовъ, если и не въ силахъ совершенно уничтожить конкуренцію между рабочими, то способны все таки значительно ее ослабить. А если ослабляется конкуренція между рабочими, такъ и заработная плата можетъ повышаться.

Стало быть, хотя нѣкоторые соціалисты и называли законъ заработной платы „желѣзнымъ“, но эти слова не должны смущать рабочихъ и лишать ихъ бодрости. Хорошо, пусть желѣзный, но дружное согласіе рабочихъ людей—такая великая сила, подъ напоромъ которой гнется и желѣзо. И не только гнется, но и ломается. Неустанной борьбой съ хозяевами рабочіе и теперь могутъ разогнуть хоть немного желѣзные тиски голода. Но придетъ время—и рабочій народъ уничтожитъ совсѣмъ эти тиски, разобьетъ ихъ въ дребезги; а для этого ему придется положить конецъ всему капиталистическому хозяйству.

Мы разсмотримъ теперь капиталистическое хозяйство во всей цѣлости; разсмотримъ, какое вліяніе оказываетъ оно на рабочее сословіе и какую роль оно играетъ въ судьбахъ человѣчества.

ГЛАВА VIII.

Капиталистическое хозяйство.

Въ пятой главѣ, говоря о возникновеніи мануфактуры, мы назвали „умственнаго“ слесаря, который завелъ себѣ мануфактуру, капиталистомъ, а самую мануфактуру капиталистическимъ предпріятіемъ. Какіе же признаки капиталистическаго предпріятія и что такое капиталъ? Нашъ „умственный“ слесарь, прежде чѣмъ запрячь въ ярмо обездоленныхъ слесарей, долженъ былъ имѣть мастерскую, инструменты, матеріалъ, имѣть орудія производства. Эти орудія производства (матеріалъ и инструменты) не съ неба свалились, а тоже произведены трудомъ. Земля, расчищенная подъ пашню, вырощенный скотъ, плугъ, инструменты, всевозможныя зданія, словомъ все, что нужно для разумнаго труда — все это — продукты человѣческаго труда. Эти продукты предыдущаго труда, безъ которыхъ невозможенъ дальнѣйшій трудъ, находятся частью въ рукахъ самыхъ производителей, а частью въ рукахъ такихъ лицъ, которыя сами не употребляютъ ихъ въ дѣло, а заставляютъ работать другихъ посредствомъ этихъ продуктовъ. Если орудія производства находятся въ рукахъ самихъ производителей, то послѣдніе, употребляя ихъ въ дѣло, могутъ, если желаютъ, затрачивать только необходимый трудъ и производить только необходимую цѣнность для своего существованія и поддержанія орудій въ такомъ видѣ, въ какомъ они были. Такъ напр., земледѣлецъ можетъ обрабатывать лишь столько поля, чтобы хватило на содержаніе его семьи и его самого, а также на исправленіе орудій и кормъ скота. Слесарь тоже можетъ лишь столько работать, чтобы хватило на содержаніе его самого и семьи и, кромѣ того, на поддержаніе инструментовъ и мастерской въ порядкѣ. Словомъ, производитель, обладающій *орудіями труда* и матеріаломъ для работы, не имѣетъ крайней надобности затрачивать *прибавочный трудъ* и создавать прибавочную цѣнность, такъ какъ онъ можетъ

обойтись безъ него. Другое дѣло, если орудія производства принадлежатъ тѣмъ, которые сами не употребляютъ ихъ въ дѣло, а пускаютъ ихъ въ оборотъ посредствомъ чужого труда. Такого рода владѣльцы орудій производства не могутъ довольствоваться тѣмъ, чтобы рабочіе затрачивали *необходимый трудъ* и создавали только необходимую цѣнность, потому что въ такомъ случаѣ для владѣльцевъ ничего не остается и для нихъ нѣтъ разсчета заводить дѣло. Они не могутъ обойтись безъ прибавочнаго труда (чужого) и прибавочной цѣнности, которая составляетъ ихъ прибыль и для которой они заводятъ дѣло. Такого рода владѣльцы орудій труда и будутъ капиталистами, а самыя орудія—капиталомъ. Капиталистъ затрачиваетъ капиталъ, но только для того, чтобы капиталъ къ нему воротился въ увеличенномъ видѣ съ *прибылью*. Итакъ капиталъ—это та *часть продуктовъ человѣческаго труда, владѣльцы которой пускаютъ ее въ оборотъ посредствомъ чужого труда для полученія прибыли*. Такъ какъ всѣ продукты человѣческаго труда выражаютъ свою цѣнность въ деньгахъ, то и деньги, если онѣ пускаются въ оборотъ для полученія прибыли—тоже *капиталъ*. Изъ этого опредѣленія капитала слѣдуетъ, что капиталистическое хозяйство можетъ начаться только тогда, когда производительность человѣческаго труда достигла извѣстной высоты. Если рабочій можетъ производить своимъ трудомъ только необходимую цѣнность (столько, сколько нужно для его существованія), то прибавочной цѣнности или прибыли капиталисту этотъ трудъ не можетъ доставить. Кромѣ того, для капиталистическаго хозяйства нужны „рабочія руки“, т. е. производители, лишенные орудій производства и вынужденные голодомъ продавать свою рабочую силу капиталистамъ. Капиталистическое хозяйство еще нигдѣ не вытѣснило вполнѣ хозяйства мелкихъ производителей, и всюду встрѣчаются рядомъ оба вида хозяйства. У насъ на Руси мелкое хозяйство держится упорнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Не гово-

ря уже о мелкомъ крестьянинѣ, на Руси существуютъ еще сотни тысячъ *кустарей*, т. е. мелкихъ ремесленниковъ, не вполнѣ оторванныхъ отъ средствъ производства. Но у насъ капиталистическое хозяйство расширяется все больше и больше благодаря тому, что происходитъ въ широкихъ размѣрахъ обезземеленіе крестьянъ и превращеніе ихъ въ „рабочія руки“ для помѣщика. Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ. Хотя при мелкомъ хозяйствѣ производитель получаетъ самъ не только необходимую цѣнность, но и прибавочную, которая при капиталистическомъ хозяйствѣ отправляется въ карманъ капиталиста, тѣмъ не менѣе положеніе мелкаго производителя - земледѣльца нисколько не лучше, ибо почти все, что онъ производитъ, уходитъ на подати, выкупные платежи за надѣлъ и на арендную плату за помѣщичью землю, безъ которой не можетъ обойтись, вслѣдствіе недостаточности своего надѣла. При самихъ счастливыхъ условіяхъ производителю-земледѣльцу остается только необходимая цѣнность, т. е. онъ получаетъ отъ своего самостоятельнаго хозяйства не больше, чѣмъ получаетъ батракъ у помѣщика. Если мы видимъ, что крестьяне всетаки упорно держатся за свое хозяйство, то это вовсе не потому, что имъ остается хоть малѣйшая часть *прибавочной* цѣнности, которую они производятъ; они держатся за него потому, что тяжело имъ разстаться съ нимъ, тяжело имъ лишиться своей воли, стать на положеніе рабочаго скота у капиталиста. Но бываетъ и такъ, что всѣ эти подати и платежи поглащаютъ не только всю прибавочную цѣнность, которую производитъ земледѣлецъ въ своемъ хозяйствѣ, но даже и часть необходимой цѣнности. Производителю не хватаетъ средствъ для существованія, потому что у него изо рта вырвали его жалкій кусокъ хлѣба. Онъ подмѣшиваетъ къ своему хлѣбу мякину и лебеду, но долго такое положеніе не можетъ для него продолжаться. Если хозяйство идетъ ко дну, то онъ долженъ бросить свою землю и идти въ батраки къ помѣ-

щику или на фабрику, гдѣ онъ по крайней мѣрѣ въ видѣ заработной платы будетъ получать необходимую цѣнность. При недостаточности крестьянскаго надѣла, при громадныхъ платежахъ въ казну и при непомѣрно высокой арендной платѣ за землю крестьяне не могутъ долго удержаться на своемъ хозяйствѣ, потому что правительство и помѣщики берутъ отъ нихъ не только всю прибавочную цѣнность, но и часть необходимой. Таковы причины *обезземеливанія* крестьянъ. Оно, какъ видите, зависитъ вовсе не отъ хозяйственныхъ причинъ, какъ зависитъ отъ нихъ, напр., лишеніе ремесленника-производителя орудій производства вслѣдствіе конкуренціи мануфактуры. Конкуренція—чисто хозяйственная причина; у насъ же крестьяне лишаются земли безъ всякой конкуренціи со стороны крупныхъ хозяевъ (напротивъ, сами крестьяне сбиваютъ у нихъ цѣны, продавая передъ взысканіемъ недоимокъ свой хлѣбъ за безцѣнокъ), а прямо вслѣдствіе грубой силы.

Что касается ремесленниковъ-производителей, работающихъ собственными орудіями, то и они, какъ уже сказано, лишаются мало-по-малу вслѣдствіе конкуренціи мануфактуры своей прибавочной цѣнности, а когда ихъ вольный трудъ станетъ оплачиваться, вслѣдствіе той же конкуренціи, ниже *необходимой цѣнности*, то лишаются своихъ хозяйствъ и превращаются въ „рабочія руки“ для капиталиста.

Капиталистическое хозяйство начинается съ мануфактуры. Мануфактура, какъ уже была объ этомъ рѣчь въ 5-й главѣ, возникаетъ въ городахъ, когда въ обществѣ успѣетъ установиться широкое раздѣленіе труда, т. е. когда трудъ работника становится настолько производительнымъ, что не только можетъ содержать самого работника, но и дать прибыль капиталисту. Мануфактура соединяетъ подъ властью одного капиталиста извѣстное число ремесленниковъ, лишенныхъ орудій производства, и дѣлаетъ трудъ болѣе производительнымъ, чѣмъ при мелкомъ ремесленномъ производствѣ. Это происходитъ

отъ того, что при мануфактурномъ производствѣ тратится меньше на мастерскую и инструменты, а мануфактурное раздѣленіе труда увеличиваетъ еще больше его производительность.

При мануфактурномъ раздѣленіи труда всякій работникъ дѣлаетъ только часть цѣлаго продукта, тогда какъ при общественномъ раздѣленіи труда каждый производитъ цѣлый продуктъ.

Мы уже знаемъ, какое вліяніе оказываетъ мануфактура на мелкихъ ремесленниковъ. Посмотримъ теперь, что она дѣлаетъ съ тѣми „рабочими руками“, которыя злая судьба бросаетъ ей на жертву.

Главная сила мануфактуры заключается въ мануфактурномъ раздѣленіи труда. Зоркій глазъ хозяина видитъ всѣ выгоды этого раздѣленія и онъ старается ввести его на своей мануфактурѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. До чего достигаетъ раздѣленіе труда въ мануфактурѣ, можно видѣть изъ того, что, напр. на мануфактурѣ иголокъ, каждая иголка проходитъ черезъ руки 72-хъ работниковъ, прежде чѣмъ будетъ окончательно сдѣлана. Каждый изъ этихъ 72 рабочихъ дѣлаетъ только одну часть всего дѣла: одинъ тянетъ проволоку, другой пробиваетъ ушки, третій оттачиваетъ конецъ и т. д. Каждый рабочій приспособляется къ своей частичной работѣ и дѣлаетъ ее скорѣе и лучше, чѣмъ если-бы ему пришлось дѣлать цѣлую иголку. Всѣ 72 рабочихъ мануфактуры въ одинаковое время сдѣлаютъ вмѣстѣ гораздо больше иголокъ, чѣмъ 72 вольныхъ ремесленника. Но это приспособленіе къ крошечной части всего производства продукта дорого обходится рабочимъ. Вступивъ въ мануфактуру, ремесленникъ, умѣющій дѣлать цѣлую иголку, получаетъ какую нибудь часть работы, напр. оттачиваніе концовъ иголки. Онъ постоянно занятъ однимъ этимъ оттачиваніемъ. Руки у него такъ привыкаютъ къ этому однообразному дѣлу, что, наконецъ, становятся совершенно неспособными къ другой работѣ. Ремесленникъ впол-

нѣ забываетъ свое ремесло. Когда ремесленникъ производитъ цѣлый продуктъ, ему часто приходится обдумывать, какъ лучше взяться за дѣло, чтобы выиграть время, или, чтобы лучше сдѣлать продуктъ. При производствѣ цѣлаго продукта у него должна работать *мысль*. При непрерывномъ же исполненіи только части продукта, руки рабочаго сами собой, какъ заведенная машина, исполняютъ эту часть, мысль рабочаго не работаетъ, и онъ отъ утомительнаго и безконечно однообразнаго труда совершенно тупѣетъ. Такимъ образомъ мануфактурное раздѣленіе труда калѣчитъ тѣло рабочаго приспособленіемъ его къ самому ничтожному количеству движеній и заглушаетъ *умъ* рабочаго, отнявши отъ его работы всякій смыслъ. Если мануфактура, въ которой искалѣченъ рабочій и приспособленъ къ одной „части", случайно закроется, то такому калѣкѣ некуда дѣться. Его положеніе хуже, чѣмъ положеніе чернорабочаго: онъ можетъ получить работу только на такой мануфактурѣ, гдѣ на его „*часть*" есть спросъ.

Искалѣченный ремесленникъ такъ же прикованъ къ мануфактурѣ, которая его искалѣчила, какъ каторжникъ прикованъ къ своей тачкѣ.

Такое положеніе даетъ хозяину-капиталисту сильную власть надъ мануфактурными рабочими. Вольные ремесленники относительно производства своихъ товаровъ не знаютъ надъ собой никакой власти, кромѣ конкуренціи.

Въ мануфактурѣ же капиталъ накладываетъ на рабочихъ свою желѣзную руку, ломаетъ и калѣчитъ ихъ, чтобы тѣмъ легче выжимать изъ нихъ свою прибыль. Но скоро и этой власти надъ мануфактурными рабочими становится недостаточно капиталисту. Вѣдь, мануфактура все же держится исключительно ловкостью рабочихъ.

Среди „рабочихъ рукъ" на рынкѣ ремесленниковъ немного, выбирать не изъ кого. Ремесленники знаютъ себѣ цѣну и заявляютъ о своей личности, борятся съ притѣсненіями капиталистовъ.

Капиталистъ встрѣчаетъ въ нихъ силу, которая мѣшаетъ ему безконечно увеличивать свой капиталъ. Кромѣ того, заработная плата ремесленниковъ выше платы чернорабочаго.

Въ конкуренціи, которая возникаетъ между капиталистами, всякій изъ нихъ старается продавать свой товаръ дешевле другихъ; а это возможно только при уменьшеніи труда, который необходимъ на производство этого товара. Вслѣдствіе этого, всякій мануфактуристъ старается сдѣлать излишней въ своемъ производствѣ ловкость ремесленниковъ, которые къ тому же не очень то спокойно несутъ на себѣ хозяйское ярмо,—старается упростить трудъ, сдѣлать его легче. Являются машины. Всякая машина состоитъ изъ двигательнаго приспособленія и собственно рабочей машины. Если внимательно разсмотрѣть рабочую машину, то очень легко открыть, что работа, которую исполняетъ инструментомъ рука ремесленника, въ машинѣ тѣмъ же инструментомъ и посредствомъ такого же движенія исполняется механизмомъ. Можно бы сказать, что инструментъ взятъ изъ рукъ ремесленника и переданъ механизму для исполненія той же работы. Въ лѣсопильной машинѣ пилы держатъ и приводятъ въ движеніе два рычага, которые похожи на руки и совершаютъ такое же движеніе, какъ руки пильщиковъ. То же самое можно замѣтить въ сверлильномъ станкѣ. Въ строгальномъ станкѣ (для выстругиванія металлическихъ досокъ) громадный рубанокъ приводится въ движеніе „желѣзнымъ столяромъ“.

Словомъ, машина совершаетъ механическую работу, которая требуетъ отъ работника долгой ремесленной подготовки, машина замѣняетъ ремесленный трудъ.

Машины доставляютъ капиталистамъ громадныя выгоды.

Во первыхъ, замѣняя ремесленный трудъ, машины уничтожаютъ необходимость ремесленнаго обученія рабо-

чихъ. Мы уже видѣли, что это обученіе увеличиваетъ цѣнность рабочей силы. Слѣдовательно машины, уничтожая необходимость ремесленнаго обученія рабочихъ, уменьшаютъ цѣнность рабочей силы или заработную плату, а это—прямая выгода капиталисту.

Во вторыхъ, въ мануфактурѣ все производство держится на ремесленной ловкости рабочихъ, слѣдовательно зависитъ исключительно отъ отдѣльныхъ личностей. А это дѣлаетъ мануфактурное производство шаткимъ, не позволяетъ хозяину ея дѣлать съ рабочими все, что ему заблагоразсудиться, для извлеченія изъ нихъ возможно большей прибыли. При машинномъ производствѣ дѣло принимаетъ совершенно другой оборотъ. Рабочій является на фабрику и застаетъ готовымъ весь „остовъ“ производства: ему только нужно приложить свою силу, безъ всякихъ хитростей. На мануфактурѣ инструменты служатъ рабочему, рабочій всему дѣлу голова; на фабрикѣ же рабочій служитъ при машинѣ; машина все дѣлаетъ, а онъ только какъ будто часть самой машины. Это даетъ фабриканту больше власти надъ рабочими, дѣлаетъ производство болѣе прочнымъ и устойчивымъ. Фабрикантъ говоритъ: „были бы машины, а руки къ нимъ всегда будутъ“. И онъ выходитъ правъ.

Въ третьихъ, машины увеличиваютъ производительность труда, т. е. при машинномъ производствѣ рабочій произведетъ въ одинаковое время больше продуктовъ, чѣмъ при мануфактурномъ. Мы знаемъ, что капиталистическое хозяйство держится на производительности труда; чѣмъ трудъ рабочаго производительнѣе, тѣмъ меньше его необходимый трудъ (трудъ на производство средствъ къ существованію), тѣмъ больше становятся его прибавочный трудъ и производство прибавочной стоимости для капиталиста.

О выгодахъ машиннаго производства въ сравненіи съ мануфактурнымъ было говорено въ пятой главѣ. Посмотримъ теперь, какъ отзывается машинное производство на тѣхъ рабочихъ рукахъ, которыя стоятъ при машинахъ.

Нашъ вѣкъ считается вѣкомъ машинъ. И дѣйствительно, нѣтъ ни одной области производства, гдѣ бы не дѣйствовали эти машины. Для земледѣлія имѣются паровые плуги, косильныя и жатвенныя машины, машинныя сѣялки и вѣялки. Нѣтъ ни одного ремесла теперь, которое не могло бы быть замѣнено машиною. Словомъ, гдѣ только нужно человѣку приложить свою рабочую силу къ предметамъ природы, онъ повсюду встрѣчаетъ машину, которая должна значительно уменьшить и облегчить его трудъ. Казалось бы, что съ введеніемъ машинъ количество труда рабочаго должно бы уменьшится: если онъ безъ машины работалъ 12 час. въ день, а при машинѣ можетъ произвести столько же продуктовъ, сколько прежде, въ 8 час., то и рабочій его день долженъ продолжаться 8 часовъ. А на самомъ дѣлѣ оказывается совсѣмъ не то: съ введеніемъ машинъ рабочій день удлиняется безъ всякой мѣры. Гдѣ же причины такого вопіющаго противорѣчія? Предположимъ, что какой нибудь ловкій купецъ завелъ себѣ мануфактуру для выдѣлки гвоздей. У него такой капиталъ, съ которымъ онъ можетъ дать занятіе 30 рабочимъ. Каждый рабочій производитъ въ день 2 пуда гвоздей; пудъ гвоздей продается по два рубля. Отъ всякаго рабочаго хозяинъ получаетъ прибавочной цѣнности 50 коп., слѣдовательно отъ 30 рабочихъ онъ получаетъ 15 руб. въ день. Но вотъ изобрѣтена машина для выдѣлки гвоздей, и нашъ ловкій мануфактуристъ поспѣшилъ ее купить. Машина эта удвоила производительность труда, и теперь тѣ же 60 пуд. могутъ быть произведены вмѣсто 30-ти 15-ю рабочими. Чистая цѣнность гвоздей уменьшилась теперь на половину, потому что на производство каждаго пуда затрачивается теперь въ 2 раза меньше труда. Если цѣнность матеріала 1 руб. и если прежде чистая цѣнность была 1 руб., то теперь чистая цѣнность будетъ 50 коп., а цѣнность пуда машинныхъ гвоздей будетъ 1 руб. 50 коп. (1 руб. матеріалъ и 50 коп. чистая цѣнность). Но нашъ хозяинъ не глупъ и продаетъ гвозди по той же цѣнѣ,

что и прежде—2 руб. за пудъ. Такимъ образомъ онъ получитъ за трудъ 15 рабочихъ столько же, сколько прежде получалъ за трудъ 30 рабочихъ, т. е. онъ не только получитъ прибавочную цѣнность тѣхъ 15 рабочихъ, которые у него работаютъ, но также и всю необходимую цѣнность тѣхъ 15 рабочихъ, которые у него не работаютъ. Это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока другіе мануфактуристы не заведутъ себѣ машинъ и не добьютъ конкуренціею цѣны гвоздей до ихъ настоящей цѣнности —1 р. 50 к. Это горячее и сладкое для капиталиста время, въ теченіе котораго онъ одинъ пользуется вновь изобрѣтенной машиной и кладетъ себѣ въ карманъ огромные барыши,—это время и является главною приманкою, которая побуждаетъ капиталиста вводить машины.

Но что же сталось съ рабочими нашего бывшаго мануфактуриста, теперь же фабриканта гвоздей? Онъ на свой капиталъ могъ себѣ завести только одну машину и при ней дать занятіе только 15 рабочимъ. Очень бы ему хотѣлось завести другую машину для остальныхъ 15 рабочихъ, тогда бы онъ получалъ за трудъ 30 своихъ рабочихъ столько, сколько другіе мануфактуристы безъ машинъ получаютъ за трудъ 60 рабочихъ. Но какъ ему ни хотѣлось бы получить такой жирный барышъ, онъ долженъ довольствоваться одной машиной и 15 рабочими, а другіе оказались для него излишними, и онъ имъ даетъ разсчетъ.

Пока конкуренція не сбила цѣны гвоздей до ихъ настоящей цѣнности, все хорошо для нашего вновь испеченнаго фабриканта. Онъ получалъ доходъ отъ тѣхъ рабочихъ, которые у него не работали. Но эта манна небесная должна для него прекратится, какъ только цѣна гвоздей упала до 1 р. 50 коп. Онъ долженъ теперь довольствоваться той прибавочной цѣнностью, которую онъ выжимаетъ изъ тѣхъ 15 рабочихъ, что у него работаютъ. Тутъ то онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что прогадалъ!

Мы знаемъ, что количество прибавочной цѣнности,

получаемой капиталистомъ, зависитъ во 1-хъ отъ длины рабочаго дня, во 2-хъ отъ числа рабочихъ, которые у него работаютъ, и въ 3-хъ отъ производительности труда. До введенія машины нашъ фабрикантъ получалъ съ рабочихъ каждый день 15 руб. прибавочной цѣнности. Со введеніемъ машинъ производительность труда увеличилась, величина необходимой цѣнности стала меньше, а прибавочная цѣнность стала больше — фабрикантъ получаетъ теперь съ каждаго рабочаго 60 коп. въ день. Но у него осталось всего 15 рабочихъ и съ нихъ онъ получаетъ въ день только 9 руб. Прежде онъ получалъ 15 руб. Машина только на первое время поманила его жирными барышами, а потомъ эти барыши исчезли, какъ сновидѣніе. Чтожъ ему дѣлать? Увеличить число рабочихъ онъ не можетъ: капитала не хватаетъ. Увеличить производительность труда— ввести еще болѣе усовершенствованную машину, онъ тоже пока не можетъ. Остается ему только для увеличенія своей прибавочной цѣнности сдѣлать рабочій день длиннѣе. Онъ это и дѣлаетъ. Но еще до того, какъ цѣна гвоздей упала до 1 руб. 50 коп., фабрикантъ уже удлинилъ рабочій день. Оставшихся у него 15 рабочихъ онъ заставляетъ работать изо всѣхъ силъ, чтобы получить отъ нихъ какъ можно больше товара и попользоваться тѣмъ горячимъ временемъ, пока другіе тоже не завели машины.

Но что же даетъ фабриканту такую власть удлинять рабочій день? А вотъ что. Съ введеніемъ машинъ въ какую нибудь отрасль производства дѣлается излишней часть „рабочихъ рукъ“, которыя прежде были заняты этимъ производствомъ. Эти лишнія „руки“ безъ дальнѣйшихъ околичностей выбрасываются вонъ изъ фабрики, и, конечно, должны попасть на рынокъ. Тамъ они увеличиваютъ *предложеніе труда*. Съ увеличеніемъ предложенія происходитъ конкуренція между рабочими, и эта конкуренція не только даетъ возможность фабрикантамъ уменьшить рабочую плату, но и удлинить рабочій день выше

всякой мѣры. Лишнихъ „рукъ“ много и нечего стѣсняться тѣмъ, что отъ недостаточной платы и чрезмѣрнаго труда рабочіе гибнутъ какъ мухи. Но это еще не все. Съ введеніемъ машинъ дѣлается излишней не только ремесленная ловкость рабочихъ, но также ихъ физическая сила. При машинѣ можетъ стоять слабый съ такимъ же успѣхомъ, какъ и сильный. Вслѣдствіе этого, введеніе машинъ привлекаетъ къ труду на капиталиста женщинъ и дѣтей. Это еще больше увеличиваетъ предложеніе труда и конкуренцію между рабочими.

Мы видѣли, что рабочая плата должна заключать въ себѣ цѣнность средствъ къ существованію рабочаго и его семьи. При мануфактурномъ производствѣ трудъ одного рабочаго содержитъ всю его семью. Вслѣдствіе привлеченія женскаго и дѣтскаго труда и усиленной конкуренціи, при машинномъ производствѣ, рабочая плата хозяина семьи должна понизиться именно настолько, чтобъ вмѣстѣ съ заработкомъ жены и дѣтей этой платы хватило на содержаніе всей семьи. Такимъ образомъ, съ введеніемъ машинъ, трудъ всей рабочей семьи оплачивается такой же заработной платой, какой при мануфактурномъ производствѣ оплачивается трудъ одного хозяина. Въ придачу машины даютъ возможность капиталисту удлинять рабочій день.

Мы уже видѣли, какъ мануфактурное раздѣленіе труда гибельно отзывается на рабочихъ тѣмъ, что приковываетъ каждаго изъ нихъ къ одному ничтожному занятію, калѣчитъ его и дѣлаетъ его неспособнымъ къ другому труду. Не лучшее вліяніе оказываютъ на рабочихъ и машины.

Самостоятельный производитель-ремесленникъ долженъ не только обладать ремесленной ловкостью для производства своихъ продуктовъ, но также и извѣстнымъ умственнымъ развитіемъ, которое даетъ ему возможность понимать все производство и дѣлать въ немъ всякія улучшенія. Это умственное развитіе дается ремесленнику,

какъ предварительнымъ обученіемъ ремеслу, такъ и самымъ исполненіемъ своего ремесла. Когда ремесленникъ попадаетъ на мануфактуру, гдѣ существуетъ широкое раздѣленіе продукта, онъ уже теряетъ понятіе о всемъ производствѣ труда: онъ производитъ только часть продукта, а о производствѣ всего продукта знаетъ хозяинъ мануфактуры. Но, когда рабочій поступаетъ на фабрику и прикомандировывается къ машинѣ, онъ теряетъ понятіе не только о цѣломъ производствѣ, но и о части его. Онъ не знаетъ, какой продуктъ и какъ будетъ произведенъ его трудомъ. Все знаніе, весь умъ рабочаго перешелъ къ машинѣ, а самъ рабочій только часть машины.

Такимъ образомъ капиталистическое хозяйство, вмѣстѣ съ лишеніемъ рабочаго орудій производства, ведетъ къ отдѣленію умственной стороны производства отъ физической. Умственная сторона и капиталъ (наука, машины) сосредоточивается у капиталистовъ, а физическая сторона (рабочая сила)—у рабочихъ. Понятно, какую страшную власть надъ рабочими, при всѣхъ другихъ преимуществахъ, доставляетъ это капиталисту.

На тѣло рабочихъ машина вліяетъ самымъ гибельнымъ образомъ. Съ ранняго, дѣтскаго возраста рабочему приходится исполнять одно какое нибудь дѣло при машинѣ, примѣнять свои движенія къ мучительно однообразнымъ движеніямъ машины. Понятно, что помимо машины, къ которой рабочій приспособился, онъ становится негоднымъ къ какому нибудь другому труду. Напр. при скоропечатныхъ машинахъ приходится работать дѣтямъ 13-ти или 14-ти лѣтъ, вся работа которыхъ состоитъ въ подсовываніи бумаги подъ прессъ, и эта работа продолжается 12 часовъ каждый день. Нѣтъ ничего удивительнаго, что эти несчастныя существа теряютъ совершенно человѣческій образъ. Но что хуже всего—это то, что капиталистъ, изломавши, искалѣчивши рабочаго на всю жизнь работой при одной машинѣ, вдругъ выбрасываетъ

его на улицу! Сейчасъ увидимъ, что именно побуждаетъ къ этому капиталиста.

Увеличеніе прибавочной цѣнности возможно только при увеличеніи числа рабочихъ, удлиненіи рабочаго дня и увеличеніи производительности труда. Съ введеніемъ машины число рабочихъ, занятыхъ у фабриканта, сокращается и уменьшается его прибавочная цѣнность. Слѣдовательно увеличенія прибавочной цѣнности онъ можетъ достигнуть только удлиненіемъ рабочаго дня и увеличеніемъ производительности труда. Мы видѣли, капиталистъ безсовѣстно пользуется своимъ положеніемъ и удлиняетъ рабочій день безъ мѣры. Теперь посмотримъ, какъ онъ увеличиваетъ, послѣ введенія машины, свою прибыль увеличеніемъ производительности труда.

Разъ машина введена въ какой нибудь отрасли производства, дальнѣйшее увеличеніе производительности труда можетъ быть достигнуто только или введеніемъ машинъ во всѣ части этого производства, въ которыхъ еще не было машинъ, или замѣной введенной машины—новой, болѣе усовершенствованной машиной. А такъ какъ увеличеніе производительности труда является необходимымъ условіемъ для капиталиста—прибыль ему необходима!—то онъ постоянно вводитъ все новыя и новыя машины. Въ мануфактурѣ, разъ раздѣленіе труда доведено до надлежащей широты, самый способъ производства продукта становится неизмѣннымъ, каменѣетъ. Этотъ способъ передается отъ одного поколѣнія другому, отъ отца къ сыну, какъ это бываетъ въ цехахъ. Въ фабричномъ же производствѣ стремленіе капиталиста получить возможно большую прибыль побуждаетъ его совершенствовать трудъ, примѣнять новыя машины и тѣмъ измѣнять часто самый способъ производства. Такое примѣненіе машинъ выбрасываетъ на рынокъ много „рукъ“, ставшихъ излишними. Эти „руки“ должны пристроиться къ другимъ машинамъ, а это имъ тѣмъ труднѣе сдѣлать, что всякая машина требуетъ рабочаго приноровленнаго къ

ней, искалѣченнаго на ея манеръ. Такимъ образомъ фабричное производство, вводя все новыя и новыя машины, находясь въ постоянномъ движеніи, часто выбрасываетъ „рабочія руки“ на рынокъ и требуетъ отъ нихъ умѣнья работать при всякой машинѣ. Опять вопіющее противорѣчіе капиталистическаго хозяйства, исходомъ котораго является ужасающія бѣдствія рабочаго сословія. Алчность фабрикантовъ къ прибыли заставляетъ ихъ вводить все новыя машины. Но есть такія машины, которыя стоятъ очень дорого и ввести ихъ подъ силу только крупному капиталисту. Если крупный капиталистъ введетъ такую машину, которая не подъ силу мелкому капиталисту, то въ конкуренціи, которая произойдетъ между ними, побѣдителемъ останется крупный капиталистъ, потому что его новая машина, увеличивши производительность труда, даетъ возможность крупному капиталисту продать товаръ дешевле, чѣмъ мелкій капиталистъ. Какъ мануфактура побиваетъ отдѣльныхъ производителей, такъ болѣе крупная мануфактура побиваетъ мелкую; какъ фабрика побиваетъ крупную мануфактуру, такъ и крупная фабрика должна побивать конкуренціей мелкую фабрику. Словомъ, конкуренція стремится передать производство въ руки крупныхъ капиталистовъ.

Только крупный капиталъ можетъ сдѣлать большія усовершенствованія въ производствѣ, сдѣлать трудъ наиболѣе производительнымъ. Отличительный характеръ капиталистическаго хозяйства именно и есть господство крупнаго капитала и крупнаго производства.

Крупные фабриканты не знаютъ въ точности, сколько требуется на рынкахъ товаровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе получить какъ можно больше прибыли заставляетъ ихъ производить какъ можно больше товаровъ. Вслѣдствіе этого часто бываетъ, что рынки переполняются товарами, которые остаются безъ движенія. Введеніе машины выбрасываетъ на улицу „лишнихъ“ и понижаетъ рабочую плату занятыхъ рабочихъ. Вслѣдствіе этого всѣ

рабочіе должны сократить потребленіе всякихъ товаровъ, и спросъ на товары уменьшается. А между тѣмъ, хотя спросъ и уменьшился, вновь введенныя машины производятъ еще больше товаровъ, чѣмъ прежде, и еще больше увеличиваютъ предложеніе. Это опять одно изъ противорѣчій капиталистическаго хозяйства, и слѣдствіемъ этого бываетъ застой промышленности, такъ называемый— *кризисъ*.

Вслѣдствіе переполненія рынка товарами и бѣдственнаго положенія рабочихъ, спросъ на товары прекращается, а потому должно уменьшится производство этихъ товаровъ. Крупные фабриканты должны сократить производство или совсѣмъ его прекратить; вслѣдствіе этого опять выбрасывается на улицу несмѣтное число рабочихъ, которымъ одинъ удѣлъ—голодная смерть! Такимъ образомъ крупное производство—это палка о двухъ концахъ, которая однако обоими концами бьетъ по рабочимъ. Разъ бьетъ введеніемъ машинъ, дѣлая „лишними“ часть рабочихъ, другой разъ бьетъ закрытіемъ фабрикъ. И такое положеніе повторяется безостановочно, потому что и самъ капиталъ находится въ постоянномъ движеніи.

Подведемъ теперь счетъ капиталистическому хозяйству.

Капиталистическое хозяйство начинается тамъ, гдѣ общественное раздѣленіе труда сдѣлало самый трудъ производительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, гдѣ рабочіе лишены орудій производства. Главнымъ основаніемъ капиталистическаго хозяйства служитъ наемный трудъ и увеличеніе капитала на счетъ прибавочной цѣнности, производимой рабочими. Мануфактура съ одной стороны ухудшаетъ положеніе самостоятельныхъ мелкихъ производителей, съ другой стороны калѣчитъ и уродуетъ своихъ рабочихъ безконечнымъ мануфактурнымъ раздѣленіемъ труда. Конкуренція мануфактуры вызываетъ появленіе машинъ. Машины замѣняютъ силу и ловкость ремесленниковъ; съ

одной стороны онѣ выбрасываютъ лишнія „рабочія руки“, съ другой стороны привлекаютъ къ труду на капиталистовъ женщинъ и дѣтей. Ужасающая конкуренція рабочихъ, вслѣдствіе введенія машинъ, даетъ капиталистамъ неограниченную власть надъ рабочими. Эта власть выражается въ безмѣрномъ удлиненіи рабочаго дня и уменьшеніи заработной платы. Уменьшеніе заработной платы заставляетъ рабочаго продавать капиталисту рабочую силу жены и дѣтей; трудъ всей рабочей семьи оплачивается такъ-же, какъ при *мануфактурѣ*—оплачивается трудъ одного хозяина семьи. Машинное производство калѣчитъ тѣло рабочихъ, принаравливая тѣло рабочаго къ машинѣ и разрушаетъ умъ рабочаго, отдѣляя въ производствѣ умственную сторону отъ физической. Послѣ введенія машинъ капиталистъ долженъ заботиться объ увеличеніи производительности труда. Онъ долженъ вводить все новыя и новыя машины. Отсюда измѣнчивость въ производствѣ. Капиталистическое хозяйство разрушаетъ душу рабочихъ полнымъ подчиненіемъ ихъ капиталу, который не знаетъ ни правды, ни чести, ни добра, для котораго святъ только одинъ законъ—прибыль.

Но этимъ не исчерпывается все то зло, которое проистекаетъ отъ капиталистическаго хозяйства. Капиталистическіе порядки ложатся тяжкимъ бременемъ не только на городскихъ рабочихъ и на мелкихъ мастеровъ. Въ неменьшей степени страдаетъ отъ нихъ и крестьянинъ.

Благодаря введенію мануфактурнаго, а затѣмъ машиннаго производства, многіе предметы, которые крестьянинъ дѣлалъ дома, стало выгоднѣе покупать на рынкѣ. Прежде крестьянинъ приготовлялъ почти всю свою одежду изъ собственнаго матеріала своимъ собственнымъ трудомъ. Теперь фабричныя и мануфактурныя издѣлія дѣлаютъ излишнимъ своей дешевизной этотъ трудъ крестьянина. Рѣдко, гдѣ крестьянинъ станетъ теперь дома выдѣлывать сукно, на изготовленіе котораго онъ долженъ тратить, скажемъ, двадцать дней труда, когда то же су-

кно, а можетъ быть еще лучше и болѣе красивое, можно имѣть на рынкѣ за цѣну десяти дней труда. Тоже самое и съ другими предметами, которые крестьяне когда то производили сами для себя, а теперь покупаютъ на рынкѣ. Вслѣдствіе этого хозяйственная работа крестьянина сильно сократилась. Прежде онъ былъ занятъ круглый годъ: лѣтомъ—земледѣліемъ, а зимою—домашними работами. Теперь же ему во многихъ мѣстахъ зимою почти нечего дѣлать дома. На свое хозяйство онъ долженъ теперь тратить гораздо меньше времени, чѣмъ прежде. Но мы уже знаемъ, что чѣмъ меньше времени мы вкладываемъ въ производство, тѣмъ меньше мы вырабатываемъ цѣнностей. Стало быть, крестьянинъ теперь гораздо меньше вырабатываетъ на своемъ собственномъ хозяйствѣ, чѣмъ прежде, и гораздо меньше получаетъ отъ него доходу.

Кромѣ того, онъ долженъ теперь *покупать* на рынкѣ многіе изъ тѣхъ предметовъ, которые раньше вырабатывалъ самъ. И не только эти предметы, но и многіе другіе, которые съ теченіемъ времени сдѣлались необходимыми человѣку: керосинъ, чай, сахаръ, лампы, книги и т. д. На покупку этихъ предметовъ онъ долженъ теперь тратить часть своего и безъ того уменьшеннаго дохода. Денегъ требуется все больше и больше, а доставлять то ихъ становится все труднѣе и труднѣе. Капиталистическое хозяйство сдѣлало значительную часть крестьянскаго труда совершенно излишней, все равно, какъ оно дѣлаетъ излишней значительную часть труда городскихъ рабочихъ, вводя новую машину.

Еще чувствительнѣе бьетъ капитализмъ крестьянина тѣмъ, что забирается и въ область сельскаго хозяйства. Въ Америкѣ, напримѣръ, крупные хозяева и компаніи захватили огромныя пространства лучшихъ нетронутыхъ земель, обрабатываютъ ихъ улучшенными сельскохозяйственными машинами и другими усовершенствованными приспособленіями, дѣлая этимъ большую экономію на человѣческомъ трудѣ. Они наполняютъ рынки деше-

вымъ хлѣбомъ и страшно сбиваютъ цѣны. Хлѣбъ дешевѣетъ и дешевѣетъ. Гдѣ раньше крестьянину достаточно было вывезти на базаръ пудъ муки, чтобы добыть денегъ и на подати, и на всѣ нужды по хозяйству,—тамъ теперь и пятью не обойдешься. Кабы крестьянинъ былъ грамотенъ, да у него въ карманѣ водилась лишняя копейка, могъ бы и онъ улучшить обработку, удобреніе, завести лучшія сѣмена, машины. Но его нарочно держатъ въ невѣжествѣ, въ темнотѣ, да еще стригутъ, какъ овцу, чуть только обростетъ шерстью. Вотъ и налегаетъ онъ на землю, выпахиваетъ ее до того, что она перестаетъ родить. Трудится крестьянинъ какъ волъ, а проку мало. Другими словами трудъ крестьянина обезцѣнивается, и благосостояніе крестьянина, основанное на его собственномъ трудѣ, должно отъ этого все больше и больше падать.

Паденіе общаго благосостоянія крестьянъ, вызванное, главнымъ образомъ, обезцѣненіемъ крестьянскаго труда, приводитъ къ тому, что ихъ *покупательная сила* падаетъ, т. е. имъ становится все труднѣе и труднѣе покупать столько предметовъ мануфактурнаго и фабричнаго производства, сколько имъ нужно. Капиталистамъ начинаетъ грозить застой въ дѣлахъ, издали виднѣется призракъ кризиса. Чтобы предотвратить его, капиталисты начинаютъ заботиться о томъ, чтобы отыскать для своихъ товаровъ покупателей на сторонѣ, или, какъ говорится, найти *внѣшній рынокъ,* смотрятъ, гдѣ бы начать войну, силкомъ захватить землю, подчинить себѣ чужой народъ. Коли удалось—у капиталистовъ дѣло въ шляпѣ. Въ новозавоеванную землю они могутъ везти свои товары безданно, безпошлинно, а сунется чужеземный купецъ—плати на границѣ большой налогъ или поворачивай назадъ оглобли.

Увеличивая свои войска, сильныя государства заставляютъ болѣе слабыя подписывать съ ними договоры, по которымъ они обязываются впускать въ свои страны, скажемъ, русскіе товары на болѣе выгодныхъ условіяхъ,

чѣмъ товары другихъ государствъ, и всячески помогать русской торговлѣ среди своихъ подданныхъ. Наконецъ, большое, постоянное войско необходимо буржуазіи для того, чтобы держать въ страхѣ и повиновеніи народъ, доставляющій своимъ трудомъ необходимую ей прибавочную стоимость.

Содержаніе громаднаго войска, чиновниковъ, всякаго рода полиціи, безъ которыхъ немыслимо капиталистическое хозяйство, ложится страшно тяжелымъ бременемъ на трудовой народъ, а въ особенности на крестьянство. Крестьянинъ считается самостоятельнымъ хозяиномъ. На первый взглядъ кажется, что онъ отъ своего труда долженъ получать не только полную его стоимость, какъ это получаетъ при благопріятныхъ условіяхъ фабрично-заводскій рабочій, но еще и тотъ излишекъ, ту прибавочную стоимость, которую наемный рабочій долженъ отдать хозяину, а крестьянинъ могъ бы удержать для себя.

Раззореніе крестьянства невыгодно отражается и на рабочихъ. Въ поискахъ за заработкомъ крестьяне наводняютъ города, соглашаясь работать хоть за безцѣнокъ, подчиняясь какимъ угодно безобразіямъ и произволу со стороны хозяевъ. Хозяева пользуются этимъ, чтобы замѣнять непокладистыхъ рабочихъ и стачечниковъ изголодавшимися и покорными бѣдняками-крестьянами. Прижимка рабочихъ растетъ, хозяева торжествуютъ. Обѣднѣніе крестьянъ содѣйствуетъ обѣднѣнію рабочихъ. Голодъ приковываетъ крестьянина рука объ руку съ городскимъ рабочимъ къ каторжной тачкѣ подневольнаго труда на пользу капиталистовъ, правительства и всякаго рода кулаковъ и міроѣдовъ.

Вотъ почему у земледѣльцевъ-крестьянъ, не пользующихся чужимъ трудомъ, и у наемныхъ работниковъ одни и тѣ же враги.

И дѣйствительно, какое бѣдствіе *не* вызывается капиталистическимъ хозяйствомъ? какое *не* обязано своимъ существованіемъ или своей силой ему? Нѣтъ такого зла

въ мірѣ, которое не было бы или прямо вызвано капитализмомъ или, по крайней мѣрѣ, усилено его вліяніемъ, —кромѣ развѣ смерти, которая уже отъ природы предназначена каждому. Да и та, какъ извѣстно, въ бѣдныхъ, рабочихъ кварталахъ—гораздо болѣе частый гость, чѣмъ въ тѣхъ частяхъ городовъ, которыя служатъ обиталищемъ богачей. Особенно, это касается ребятишекъ; не имѣя, по бѣдности родителей, нужнаго ухода, хорошей здоровой пищи, порядочной одежды, мрутъ ребятишки бѣдныхъ семей, точно мухи. Всякія болѣзни, особенно заразныя, прежде всего свиваютъ себѣ гнѣзда въ наиболѣе населенныхъ частяхъ городовъ, гдѣ въ грязи и тѣснотѣ ютятся бѣдняки, въ подвалахъ и полуразвалившихся домахъ, гдѣ люди набиты, какъ селедки. Тоже самое, въ иномъ лишь видѣ, повторяется и въ деревнѣ: тѣснота, грязь, плохое питаніе, невѣжество ведутъ къ болѣзнямъ, уродливостямъ и несчастію. А когда голодъ за голодомъ начинаетъ ее посѣщать, то уже неминуемо послѣдуютъ болѣзни: тифъ, цынга и всякія другія напасти, которыя съ ногъ валятъ ослабѣвшаго отъ голодовки человѣка. А въ крупныхъ городахъ, въ этихъ раззолоченныхъ столицахъ голода, въ ихъ темныхъ и сырыхъ подвалахъ, гдѣ ютится нищета, гдѣ семьи рабочаго люда проводятъ свою жизнь безъ свѣта и воздуха, въ грязи и сырости, — тамъ смерть и болѣзни празднуютъ свои пиршества. Тамъ, въ этихъ громадныхъ фабрикахъ и заводахъ, гдѣ рабочій народъ платитъ свою подать голоду послѣднимъ сокомъ своихъ жилъ,—тамъ надрываются силы, въ конецъ портятся легкія, слѣпнутъ глаза и укорачивается жизнь трудового люда, его измученныхъ женщинъ и дѣтей. Стало быть, даже такія природныя бѣдствія, какъ смерть, старость и слабость въ громадной мѣрѣ усиливаются отъ господства капиталистическаго хозяйства и зависящей отъ него нищеты и бѣдности народа.

О другихъ же бѣдствіяхъ, проистекающихъ отъ поступковъ людей, и говорить нечего: всѣ они выростаютъ

изъ общаго корня, изъ капиталистическаго хозяйства, изъ господства богатаго надъ бѣднымъ, сильнаго надъ слабымъ. Остановимся на нѣкоторыхъ фактахъ для поясненія этого.

Тысячи людей сидятъ у насъ по тюрьмамъ; почти что 30.000 человѣкъ ежегодно судится въ разныхъ судахъ и изъ нихъ больше половины присуждается къ поселенію въ Сибири и къ каторжнымъ работамъ. Чтобъ содержать эту огромную толпу провинившихся тратится у насъ почти 15 милліоновъ рублей въ годъ на постройку тюремъ, покупку арестанской одежды, кандаловъ, содержаніе конвоя, на перевозку арестантовъ съ мѣста на мѣсто и на выдачу жалованья разнымъ смотрителямъ, экономамъ, надзирателямъ. Откуда эта рать „несчастныхъ“? Голодъ— вотъ кто гонитъ людей. Нѣтъ работы день, нѣтъ другой —и идетъ человѣкъ съ отчаянія на дурное дѣло. Неурожай за неурожаемъ, голодъ за голодомъ, а помощи нѣтъ ни откуда: дѣти мрутъ какъ мухи, и съ горя отцы и матери готовы какое угодно дурное дѣло сдѣлать, лишь бы не слышать дѣтскаго голоднаго рева. Дознано теперь, что въ голодные годы тюрьмы наши переполняются. Зимой въ большихъ городахъ сотни людей дѣлаютъ преступленія у всѣхъ на виду, лишь бы въ тюрьму попасть. Въ Архангельскѣ, напримѣръ, ежегодно люди приходятъ въ полицію и сами объявляютъ о своихъ преступленіяхъ, лишь бы ихъ забрали въ „теплый и сытый“ домъ, въ тюрьму. Сидятъ въ нихъ болѣе всего крестьяне да рабочіе, не могущіе найти себѣ работы. А тамъ, глядишь, люди привыкаютъ къ легкой жизни, и послѣ перваго-то „грѣха“—начинаютъ грѣшить и чаще и больше. Однако, маленькое преступленіе, сдѣланное съ голоду и холоду нашими законами наказывается строго; но есть, и не меньше чѣмъ маленькихъ,—преступленія очень большія—о нихъ мало мы знаемъ. Чрезмѣрное богатство, тунеядство, бездѣліе вызываютъ также много преступленій, и еще болѣе гнусныхъ, чѣмъ непроглядная бѣдность. Капитализмъ, какъ

его ни поверни, все равно ведетъ къ разврату, преступленію, смерти... Преступники сидятъ по тюрьмамъ. Женщинъ тамъ поменьше. Ихъ „голодъ“ гонитъ на улицу, да въ дома терпимости,—онѣ въ городахъ гибнутъ, торгуя своимъ тѣломъ, въ развратѣ и болѣзняхъ. Въ одной Москвѣ считается до двадцати тысячъ проститутокъ, записанныхъ, съ желтыми билетами, а тайныхъ сколько?—не сочтешь! Тоже и въ Петербургѣ, и особенно въ торговыхъ городахъ —Одессѣ, Ригѣ и частью въ Варшавѣ, гдѣ развратъ особенно силенъ. Бѣдность гонитъ дѣвушекъ сюда и попадаютъ онѣ въ руки богатыхъ да развратныхъ барчуковъ, которые и губятъ ихъ тысячами. Ежегодно попадаютъ въ воспитательные дома десятки тысячъ младенцевъ (въ одномъ московскомъ до 18.000), а много ли изъ нихъ выживаютъ да въ люди выходятъ? Кто въ этомъ виноватъ? Опятъ все тотъ же капитализмъ, который своею жадною пастью пожираетъ людей и развращаетъ ихъ своимъ подлымъ, отравленнымъ дыханіемъ. И бороться съ этимъ трудно при той разъединенности, которая создалась подъ гнетомъ капитализма и произвола.

Гдѣ же тутъ выпрямляться и развиваться человѣческой природѣ, когда борьба за жизнь завладѣла всѣми помыслами человѣка? Но посмотрите вокругъ себя и вы увидите, что во всемъ обществѣ, отъ самыхъ низовъ его до самыхъ верховъ, ежечасно ведется непрестанная междучеловѣческая борьба, война всѣхъ противъ всѣхъ, борьба за богатство, власть, почести и больше всего за черствый кусокъ хлѣба. Борьба, въ которой люди забываютъ о разницѣ между правдой и ложью,—честью и безчестьемъ, ведетъ къ страшному разврату, безжалости, къ жестокости и горю безъ конца.

Въ деревнѣ крестьяне воюютъ между собою за тѣ клочки земли, которые оставили имъ казна и помѣщики, и бьются какъ мухи въ паутинѣ, разставленной для нихъ разными деревенскими пауками, купцами и своимъ же братомъ, живодеромъ-кулакомъ. Въ городѣ рабочіе пере-

бивають другъ у друга заработокъ, на перебой продають свою рабочую силу хозяевамъ, которые безъ всякаго зазрѣнія совѣсти пользуются ихъ нуждою и заставляють ихъ работать на себя по 10, 12 и даже 14 и болѣе часовъ за жалкіе гроши. Мелкіе мастера одного и того же ремесла готовы другъ друга въ ложкѣ воды утопить, чтобы избавиться отъ лишняго конкурента, чтобы перетянуть къ себѣ заказчика. Тоже происходитъ между мелкими лавочниками изъ-за покупателя. Надъ мелкимъ мастеромъ и лавочникомъ грозою нависла конкуренція крупныхъ фабрикантовъ и обладателей большихъ магазиновъ, которые ежедневно доводятъ непосильнаго конкурента до нищенской сумы, до необходимости стать прикащикомъ, наемнымъ мастеромъ или даже простымъ рабочимъ у тѣхъ же самыхъ акулъ, которыя вырвали изъ ихъ рукъ возможность вести самостоятельную жизнь. Но и эти крупныя, прожорливыя акулы выступаютъ дружно лишь тогда, когда надо потуже затянуть петлю на шеѣ ослабѣвшаго соперника, когда надо покрѣпче натянуть веревку, которою они привязали къ себѣ подневольный рабочій людъ. Между собою они неустанно грызутся изъ за барыша. Помѣщики, фабриканты и купцы опять таки воюютъ между собою и то и дѣло норовятъ вырвать другъ у друга ту добычу, которую они награбили у трудящагося народа.

Что дало взамѣнъ всего этого капиталистическое хозяйство? Оно увеличило до невѣроятныхъ размѣровъ производительность труда. А съ увеличеніемъ этого—не рабочее время рабочихъ сократилось, но увеличился классъ людей, который живетъ на счетъ народнаго труда. Въ древнія времена всѣ дани и добычи, которые князья собирали и добывали изъ подвластныхъ имъ общинъ, едва доставали на содержаніе князя, его дружины и, можетъ быть, еще небольшого класса—духовныхъ лицъ. Увеличеніе класса людей, живущихъ на счетъ чужого труда и незанятыхъ добываніемъ себѣ насущнаго хлѣба, повело къ тому, что многіе изъ этого класса наполняли свое сво-

бодное время умственнымъ трудомъ. Они то и поставили всякія науки и искусства на такую высоту, которая ставитъ человѣческій родъ выше всего существующаго. Но все это куплено дорогою цѣною милліоновъ жизней рабочихъ. Умъ то человѣческій, науки-то, всякія искусства стоятъ высоко, спора нѣтъ, но рабочимъ всѣ эти прекрасныя вещи не доступны: онѣ существуютъ для небольшаго числа людей, обезпеченныхъ, живущихъ чужимъ трудомъ! Рабочимъ одинъ удѣлъ—работать до кроваваго пота. Какой цѣной куплены успѣхи человѣчества—про то знаетъ только мать сыра-земля, которая одна видѣла всѣ страданія, всю скорбь людскую. На спинѣ рабочихъ держатся всѣ эти успѣхи—пора теперь и рабочимъ воспользоваться ими. Производительность труда громадна, пусть же и рабочіе имѣютъ свободное время для умственныхъ занятій, и пусть не вырывается у нихъ кусокъ, который они подносятъ ко рту. Теперь для насъ станутъ понятными всѣ тѣ явленія жизни, которыя поражаютъ насъ съ перваго раза своею несообразностью. Мы теперь знаемъ, кто работаетъ и кто нѣтъ, кто голодаетъ и кто роскошествуетъ. Мы знаемъ, какъ это происходитъ. Для насъ понятно, отчего рабочему приходиться мыкаться по свѣту въ погонѣ за кускомъ хлѣба. Наконецъ для насъ понятно, какую роль играетъ при теперешнихъ порядкахъ голодъ. Онъ почерпаетъ свою власть надъ людьми въ капиталистическомъ хозяйствѣ, при которомъ существуетъ всеобщая война, конкуренція всѣхъ противъ всѣхъ, при которой человѣкъ человѣку врагъ! Теперь посмотримъ, какъ можетъ быть устроено человѣческое хозяйство на другихъ началахъ, при которыхъ всѣмъ бѣдствіямъ капиталистическаго хозяйства не будетъ мѣста.

ГЛАВА IX.

Общественное хозяйство.

Изъ всѣхъ бѣдствій, которыя угнетаютъ человѣческій родъ, одни бѣдствія зависятъ отъ причинъ чисто-природныхъ (напримѣръ смерть отъ старости), другія зависятъ отъ человѣческихъ порядковъ, отъ человѣческихъ отношеній. Первыя не могутъ быть уничтожены, но только ослаблены—они законы природы, другія могутъ и должны быть уничтожены. Защитники капиталистическаго хозяйства, боясь за его неприкосновенность, старались доказывать, что это законъ природы человѣческой, что уничтожить капиталистическое хозяйство такъ же нельзя, какъ уничтожить смерть. Поэтому, пусть де рабочіе несутъ свой крестъ, а капиталисты свой. Господамъ капиталистамъ, конечно, крестъ ихъ очень легокъ, кромѣ удовольствія они отъ него ничего не чувствуютъ; поэтому они обѣими руками держатся за мысль о томъ, что капиталистическое хозяйство—законъ природы, и кричатъ „караулъ“, какъ только дѣло заходитъ объ измѣненіи существующаго порядка. На это защитники трудящагося класса, резонно объясняютъ имъ, что природа не создаетъ однѣ руки для постояннаго бездѣлья, а другія для постоянной работы; одно брюхо—для всякихъ тонкихъ кушаній, другое для хлѣба съ мякиной; природа не создаетъ капиталистовъ и рабочихъ! Она создаетъ просто людей; поэтому, и въ жизни люди должны быть равны. А если мы въ жизни видимъ противоположное, то природа здѣсь не причемъ. Не природа создала капиталистическое хозяйство, а люди; поэтому, люди могутъ и должны измѣнить его, разъ оно оказывается для большинства человѣчества тяжелымъ крестомъ. Исходя изъ этого положенія, соціалисты думаютъ, что необходимо создать совершенно иной порядокъ хозяйства—порядокъ *соціалистическаго хозяйства*, при которомъ будутъ невоз-

можны всѣ тѣ бѣдствія, которыя происходятъ отъ капиталистическаго хозяйства. Основаніемъ капиталистическаго хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ бѣдствій рабочаго сословія служатъ наемный трудъ и конкуренція. Мы уже выдѣли, что капиталистическому хозяйству предшествовало хозяйство мелкихъ производителей, при которомъ всякій хозяинъ обладалъ орудіями производства. Затѣмъ, всякими насиліями и неправдами производители были оторваны отъ средствъ производства, съ одной стороны образовался классъ капиталистовъ, съ другой—„рабочія руки". Мы видѣли всѣ ужасныя послѣдствія такого порядка вещей. Поэтому, первымъ и главнымъ основаніемъ соціалистическаго хозяйства должно быть отсутствіе наемнаго труда. Рабочая сила, а съ нею и личность рабочаго, не должна продаваться, какъ товаръ. Но, чтобы рабочій могъ не продавать рабочей силы, онъ долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи орудія производства. Итакъ, повидимому, человѣчество должно возвратиться къ тому, съ чего оно начало: какъ въ стародавнемъ хозяйствѣ производитель и орудія производства составляли одно цѣлое, такъ и въ новомъ соціалистическомъ хозяйствѣ производитель не будетъ оторванъ отъ орудій производства.

Но есть глубокая разница между хозяйствомъ мелкихъ производителей и соціалистическимъ хозяйствомъ. При общественномъ раздѣленіи труда всякій производитель производитъ въ своемъ хозяйствѣ одинъ продуктъ, причемъ отдѣльные производители (слесаря, сапожники...) не вступаютъ между собой въ союзъ съ цѣлью облегченія производства. Такимъ образомъ, мелкое хозяйство лишено всѣхъ выгодъ *сотрудничества* и *мануфактурнаго раздѣленія труда*, и мы уже видѣли, въ какихъ громадныхъ размѣрахъ мануфактурное раздѣленіе труда увеличиваетъ его производительность. Если бы теперь человѣчество вернулось сразу къ мелкому хозяйству, то оно понесло бы громадныя потери. Въ 1-хъ, уменьшилась бы произ-

водительность труда; во 2-хъ, всѣ тѣ орудія производства, которыя созданы при капиталистическомъ хозяйствѣ, всѣ эти фабрики и машины пришлось бы бросить, потому что нельзя ихъ ни подѣлить между мелкими производителями, ни пустить въ ходъ иначе, какъ посредствомъ *совмѣстнаго труда*. Вотъ почему новое хозяйство не должно быть хозяйствомъ отдѣльныхъ мелкихъ производителей, при которомъ всякій производитель отдѣльно для себя владѣетъ орудіями производства. Новое хозяйство будетъ *общественнымъ* (*соціалистическимъ*) хозяйствомъ, при которомъ производители должны пользоваться всѣми выгодами сотрудничества и мануфактурнаго раздѣленія труда. Слишкомъ дорогой цѣной купило человѣчество всѣ усовершенствованія, произведенныя капиталистическимъ хозяйствомъ, всю цивилизацію, чтобы сразу отказаться отъ нихъ и воротиться къ первобытному состоянію. Капиталистическое хозяйство соединяетъ много рабочихъ въ одномъ какомъ нибудь производствѣ, на одной фабрикѣ, заставляетъ ихъ работать обществомъ, дѣлаетъ ихъ трудъ общественнымъ, этимъ увеличиваетъ производительность труда. Введеніе машинъ должно облегчить и сократить трудъ рабочихъ. При капиталистическомъ хозяйствѣ введеніе машинъ не сокращаетъ труда всѣхъ рабочихъ, но одну часть совсѣмъ лишаетъ работы и выбрасываетъ на улицу, а для другой части рабочихъ удлиняетъ безъ мѣры рабочее время. Машины сокращаютъ и облегчаютъ трудъ рабочихъ, но при капиталистическомъ хозяйствѣ машины оказываются злѣйшими врагами рабочихъ. При соціалистическомъ хозяйствѣ производство остается такимъ же точно, какъ и при капиталистическомъ хозяйствѣ, т. е. трудъ рабочихъ будетъ совмѣстный, общественный, такъ какъ только при общественномъ трудѣ возможно примѣненіе машинъ и вообще крупныя усовершенствованія, дѣлающія человѣческій трудъ чрезвычайно производительнымъ. Но, такъ какъ орудія производства будутъ принадлежать всему обществу, т. е. самимъ рабочимъ, то

и *прибавочная цѣнность*, которую они произведутъ, будетъ принадлежать имъ же. Въ этомъ заключается вся суть соціалистическаго хозяйства. Не будетъ капиталистовъ, и цѣлью производства будетъ не прибыль, а удовлетвореніе человѣческихъ потребностей. Поэтому, при соціалистическомъ хозяйствѣ введеніе машинъ не будетъ выбрасывать „лишнихъ рабочихъ рукъ“ на улицу, а остальнымъ удлинять рабочій день, но всѣмъ рабочимъ сократитъ рабочій день и облегчитъ трудъ. Если на какой нибудь фабрикѣ работаютъ 100 человѣкъ, а вновь изобрѣтенная машина можетъ замѣнить 50 человѣкъ, то при соціалистическомъ хозяйствѣ введеніе машины не выброситъ этихъ лишнихъ 50 человѣкъ на улицу, но рабочій день всѣхъ 100 человѣкъ сократится вдвое.

Итакъ, чтобы избавиться отъ всѣхъ золъ капиталистическаго строя, товарнаго хозяйства и конкуренціи, необходимо уничтожить частную собственность на орудія и средства производства и сдѣлать ихъ общей собственностью всѣхъ трудящихся. Необходимо уничтожить отдѣльныя частныя хозяйства и замѣнить ихъ однимъ общимъ громаднымъ хозяйствомъ, въ которомъ всѣ трудились бы на общую пользу. Необходимо уничтожить товарное хозяйство, производство для купли-продажи, и замѣнить его производствомъ для всеобщаго потребленія.

Словомъ, необходимо ввести соціалистическій порядокъ.

Но возможно ли ввести соціалистическое хозяйство? Дѣйствительно ли общество, взявъ на себя заботу о всеобщемъ трудѣ для всеобщаго блага, сможетъ обезпечить всякаго довольствомъ?

Буржуазные ученые твердятъ на всѣ лады, что если бы собрать богатства всего міра и раздѣлить ихъ поровну между всѣми, то всѣ еле-еле сводили бы концы съ концами. Отсюда они и заключаютъ, что бѣдность и нищета—въ порядкѣ вещей, что это—неизбѣжное зло. При нынѣшнемъ порядкѣ, говорятъ они,

еще лучше: по крайней мѣрѣ, нѣкоторые обезпечены трудомъ другихъ и могутъ двигать впередъ науки, искусства, дѣлать новыя изобрѣтенія и открытія, которыя увеличиваютъ производительность труда. Заставьте, говорятъ они, одинаково трудиться всѣхъ—наука и производительность труда придутъ въ застой, населеніе по прежнему будетъ возрастать, и скоро водворится всеобщая нищета и самая ожесточенная грызня изъ-за куска хлѣба. При современномъ неравенствѣ много страданій, но такъ уже устроенъ міръ; а водвореніе всеобщаго равенства погубило бы міръ.

Посмотримъ, такъ ли это. Высчитано, что въ образованныхъ странахъ Европы и нѣкоторыхъ другихъ частей свѣта въ годъ всякихъ продуктовъ и товаровъ производится на 89.630 милліоновъ рублей. На каждаго человѣка это составляетъ въ годъ 208 руб., значитъ на семью въ 5 человѣкъ—1.040 руб. И это не такъ ужъ мало! Но мы считали всѣ эти страны вмѣстѣ, а возьмемъ болѣе образованныя страны. Въ Англіи пришлось бы въ годъ на семью 1.685 рублей, а въ Америкѣ—1.950 руб. Это ужъ и совсѣмъ недурно!

Но развѣ соціализмъ заключается въ томъ, чтобы собрать и поровну раздѣлить всѣ нынѣшніе доходы? Совсѣмъ нѣтъ. Теперь далеко не всѣ работаютъ, масса людей живетъ въ праздности, многое множество занято дѣлами безполезными, а то такъ и вовсе вредными. Въ мирное время изъ каждыхъ 100 человѣкъ здороваго, рабочаго населенія 3—4 человѣка, а въ военное такъ даже 10 человѣкъ, оторвано для арміи отъ полезнаго труда; это все лучшія рабочія силы, и вмѣсто того, чтобы онѣ своимъ трудомъ содержали населеніе, приходится населенію содержать ихъ своимъ трудомъ. Теперь земледѣліемъ и ремеслами занимаются всего три четверти населенія; изъ остальной четверти значительное число занято торговлей, барышничествомъ и тому подобными занятіями, которыя не прибавляютъ къ богатству страны ни гроша. Сколько

народу занято тѣмъ, что прислуживаютъ празднымъ барамъ, удовлетворяя ихъ прихотямъ! Мы уже видѣли, какъ часты при современномъ порядкѣ вещей торгово-промышленные кризисы. Сколько людей въ это время сидятъ безъ работы! Сколько товаровъ портится, не находя покупателей! Разсчитано, что одни только прямыя банкротства во время кризисовъ обходятся странѣ въ 5 руб. на каждые 100 руб. капитала! А сколько понапрасну теряется рабочихъ дней во время необходимыхъ при нынѣшнемъ порядкѣ стачекъ! У насъ, въ Россіи, въ 1901 году во время стачекъ потеряно было, по свѣдѣніямъ министерства финансовъ, почти сто тысячъ рабочихъ дней (99.548 дней). Сколько народу въ обычное время сидитъ безъ работы! Сколько времени пропадаетъ зимой въ Россіи понапрасну у крестьянъ, съ такимъ трудомъ достающихъ подсобные заработки! Ясно, что при мало-мальски разумномъ распорядкѣ работъ доходы каждой страны должны бы сильнѣйшимъ образомъ возрасти. Капиталистическій порядокъ убыточенъ для человѣчества, и каждый лишній день его существованія сопровождается для него огромными потерями.

А производительность труда? Развѣ при соціалистическомъ порядкѣ она не стала бы возрастать во много разъ быстрѣе? Капиталистическіе порядки, какъ мы уже видѣли, во многомъ задерживаютъ ростъ производительности труда. Возьмемъ хотя бы земледѣліе. Оно движется впередъ черепашьимъ шагомъ, и ничего удивительнаго въ этомъ нѣтъ. Кому улучшать земледѣліе? Нашъ крестьянинъ забитъ, безграмотенъ, нищъ. Чуть только заведется у него лишняя копейка въ карманѣ, какъ ее торопятся выколотить изъ него сборщики податей, или вытащить ловкимъ манеромъ пройдоха-кулакъ. Гдѣ же ему думать объ улучшеніи пріемовъ и способовъ производства? Гдѣ ему взять и необходимыя для этого средства? Онъ ковыряетъ сплошь и рядомъ первобытной сохой истощенную, выпаханную, неудобренную землю, бро-

саетъ въ нее невсхожее зерно и ждетъ, что то дастъ ему погода. Связанный по рукамъ и ногамъ податями, малоземельемъ, высокой арендной платой, вѣчнымъ бездонежьемъ, задолженностью, непомѣрными процентами, продавая все за безцѣнокъ и покупая все втридорога, — крестьянинъ не можетъ выпрямиться, не можетъ выбиться изъ-подъ власти земли; его существованіе вѣчно виситъ на волоскѣ, оно зависитъ отъ всѣхъ случайностей и капризовъ природы.

Съ другой стороны крупнымъ собственникамъ часто невыгодно предпринимать какія бы то ни было улучшенія, потому что они дорого стоятъ, и потому, что требуютъ бережнаго обращенія умѣлыхъ, искусныхъ рукъ обученнаго рабочаго. А когда такого рабочаго взять негдѣ, и когда рядомъ можно имѣть за безцѣнокъ крестьянина, готоваго обрабатывать помѣщичьи поля своимъ скотомъ, своей сохой, своей бороной, или когда можно безъ всякихъ заботъ сдать землю втридорога за деньги или за долю урожая тому же рабочему, то какая нужда бывшему барину-помѣщику заботиться о производительности труда, когда онъ ни къ какой дѣльной работѣ не привыкъ, когда онъ умѣетъ только проживать, а не наживать? Страшно и подумать, какой громадный вредъ для всего человѣчества проистекаетъ отъ такихъ порядковъ! Но и при такой низкой производительности труда сельскіе хозяева еще жалуются на *перепроизводство* хлѣба, на низкія цѣны и сплошь и рядомъ прибѣгаютъ къ сокращенію запашекъ.

Въ тѣхъ немногихъ благословенныхъ уголкахъ, гдѣ или земледѣлецъ могъ свободно вздохнуть, приподнять свою понуренную голову, какъ слѣдуетъ заняться улучшеніемъ своего промысла,—или гдѣ земледѣльцы лишены были возможности просто обирать и грабить мужика, а должны были обратить вниманіе на улучшенные способы обработки—въ такихъ уголкахъ уже и теперь мы видимъ настоящія чудеса человѣческаго ума и рукъ.

При нынѣшнемъ вскармливаньи коровъ на обыкновенныхъ лугахъ въ среднемъ прокармливается на трехъ десятинахъ одна штука скота. При искусственномъ орошеніи луговъ удается прокармливать голову скота менѣе, чѣмъ на одной десятинѣ; при травосѣяніи, употребленіи на кормъ свеклы, брюквы и пр. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже теперь умѣютъ прокормить до пяти головъ рогатаго скота на одной десятинѣ; а на лучшихъ земляхъ, употребляя въ кормъ кукурузу, укладывая въ ямы и особымъ образомъ прессуя свѣже-срѣзанный кормъ ухитрялись прокормить на одной десятинѣ 8—10 коровъ.

Въ то время, какъ для нашего крестьянина урожай въ 5—6 четвертей съ десятины является завиднымъ, на сѣверѣ Франціи есть земледѣльцы, получающіе отъ 15 до 19, а въ рѣдкихъ, особенно благопріятно поставленныхъ хозяйствахъ, даже 26 и 28 четвертей — на одной десятинѣ земли такимъ образомъ въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ можетъ получить пропитаніе 12 человѣкъ! Конечно, они вспахиваютъ землю улучшеннымъ иногда паровымъ плугомъ; во второй разъ перепахиваютъ и боронуютъ; берутъ сѣмена изъ-подъ сортировочной машины; сѣмена не бросаютъ на вѣтеръ, а при помощи особыхъ приспособленій *сажаютъ* рядами, орошаютъ, удобряютъ землю веществами, о которыхъ нашъ русскій мужикъ не слыхивалъ и не скоро услышитъ...

Подъ Парижемъ огородники не рѣдко платятъ за землю арендной платы, на наши деньги, 700, 800, 1.000 руб. за десятину. Какимъ образомъ они могутъ выплачивать такую огромную сумму? Только доводя производительность труда до невѣроятной высоты. Они, можно сказать, сами дѣлаютъ себѣ землю и погоду. Удобряя и взрыхляя землю они получаютъ особую легкую садовую почву—не землю, а золото; въ лучшихъ хозяйствахъ огородникъ по окончаніи арендного контракта *увозитъ съ собой всю землю.* Они сѣютъ подъ стекломъ, покрываютъ растенія стеклянными рамами, устраиваютъ теплицы,

отапливаютъ ихъ; особыми приспособленіями глубоко прогрѣваютъ землю. Одинъ изъ такихъ огородниковъ на пространствѣ земли шириною въ 46, длиной въ 50 саж.— около десятины — получаетъ въ годъ 670 пуд. моркови, 6.000 кочановъ простой капусты, 3.000 цвѣтной, 5.000 корзинъ помидоровъ и т. д., и т. д.—всего около семи съ половиной тысячъ пудовъ разныхъ фруктовъ и овощей!!

Правда, мы говорили про исключительные, особо благопріятные случаи. Но они исключительны и рѣдки теперь. А задача соціализма въ томъ и состоитъ, чтобы дать всѣмъ людямъ тѣ благопріятныя условія для труда, при которыхъ эти исключительные случаи станутъ обыкновенными, и всѣ люди будутъ пользоваться полнымъ довольствомъ и счастьемъ.

При видѣ такихъ чудесъ человѣческаго ума и искусства можно только посмѣяться надъ людьми, которые говорятъ, будто оттого такъ много бѣдныхъ, что слишкомъ много развелось народу, и на землѣ имъ стало тѣсно. Нѣтъ, бѣдъ и несчастій такъ много потому, что нынѣшніе порядки забиваютъ людей нищетой и невѣжествомъ, каторжнымъ подневольнымъ трудомъ; ихъ превращаютъ во вьючный скотъ, имъ не даютъ овладѣть природой, стать надъ ней господиномъ. И это не только въ земледѣліи: тоже, только въ меньшей степени, мы видимъ и въ фабричной промышленности. И тамъ капиталистическіе порядки не даютъ достаточно простора для повышенія производительности труда. У насъ въ Россіи, напр., капиталистамъ еще невыгодно вводить многія машины, которыя уже введены въ Англіи. Почему? Потому, что у насъ рабочія руки дешевле, чѣмъ тамъ. При соціалистическихъ порядкахъ можно было бы сразу ввести много машинъ, которымъ теперь нѣтъ и не можетъ быть ходу. Если машина сберегаетъ больше труда, чѣмъ сколько нужно потратить на ея издѣліе, такъ она уже будетъ выгодна при соціалистическомъ строѣ. Не то теперь. Теперь капиталисту не то важно, сколько машина сберегла *труда*, а то, сколь-

ко сберегла она ему *оплаченнаго* труда. А оплачиваетъ онъ только часть труда своихъ рабочихъ. Машину капиталистъ покупаетъ по ея настоящей стоимости, а трудъ рабочихъ по половинной. Вотъ почему капиталистическій порядокъ задерживаетъ распространеніе и примѣненіе многихъ машинъ, задерживаетъ ростъ производительности труда. И только соціалистическій порядокъ дастъ ему полный просторъ.

А сколько способностей гибнетъ напрасно, задавлено нищетой и отсутствіемъ образованія! Тѣ немногіе самоучки изъ простого народа, которымъ какимъ то чудомъ удается выбиться, проложить себѣ дорогу къ знанію, поражаютъ міръ своими изобрѣтеніями. Имъ удивляются, ихъ прославляютъ и не подумаютъ о томъ, что, можетъ быть, еще больше такихъ же одаренныхъ и способныхъ людей заглохли, потеряны для людей навѣки, задавлены каторжнымъ трудомъ ради кучки ни къ нему негодныхъ ни на что не способныхъ праздныхъ бездѣльниковъ.

И только соціализмъ раскуетъ цѣпи, которыми скованы умы, разбудитъ тѣ богатыя силы и способности, которыя теперь спятъ въ народѣ, и сильнѣйшимъ образомъ увеличитъ власть человѣка надъ природой. Нынѣшнія чудеса производительности труда покажутся дѣтской игрушкой въ сравненіи съ тѣмъ, что дастъ соціализмъ.

Но не станемъ гадать о будущемъ. Уже и современная производительность труда поднялась настолько, что при правильномъ веденіи всеобщаго хозяйства, можно было бы обезпечить всякаго всѣмъ тѣмъ, что необходимо для разумнаго человѣческаго существованія. Одинъ нѣмецкій ученый, другъ рабочаго народа, сдѣлалъ подробный разсчетъ для германскаго государства, сколько людей должно работать и сколько именно времени, чтобы обезпечить всѣхъ гражданъ шестидесятимилліоннаго государства всѣми продуктами земледѣлія, промышленности, ремеслъ и колоніальнаго хозяйства (чай, кофе и т. д). При своемъ разсчетѣ онъ принялъ во вниманіе только

теперешнюю среднюю производительность труда, хотя очень хорошо зналъ, что эта производительность не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а растетъ съ каждымъ годомъ. Онъ спросилъ себя: какого благосостоянія можетъ народъ *теперь* добиться, и сколько онъ долженъ на это потратить труда. Если же производительность труда въ будущемъ увеличиться, то понятно, что и благосостояніе еще больше увеличится, и еще меньше надо будетъ трудиться. Такъ вотъ что выходитъ по его разсчету.

Для доставленія шестидесятимилліонному населенію всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для порядочной жизни въ сытости и довольствѣ, достаточно, чтобы пять милліоновъ мужчинъ и три милліона восемьсотъ тысячъ женщинъ работали ежегодно не болѣе восьми часовъ въ день; а вмѣстѣ: восемь милліоновъ восемьсотъ тысячъ работниковъ и работницъ, т. е. приблизительно одна седьмая часть всего населенія. Другими словами, трудъ одного рабочаго можетъ содержать въ полномъ довольствѣ 7 человѣкъ. Чтобы справедливо распредѣлить между всѣми весь этотъ необходимый для общества трудъ, достаточно было бы, напримѣръ, учредить *всеобщую трудовую повинность*, которая продолжалась бы не болѣе десяти лѣтъ для мужчинъ и не больше семи для женщинъ, примѣрно отъ 15-ти или 17-ти лѣтняго возраста до 25-ти или 27-ми лѣтняго для мужчинъ и отъ 15-ти до 22-хъ лѣтъ для женщинъ. До 15-ти или 17-ти лѣтъ всѣ посѣщали бы на общественный счетъ школу, получая въ ней разумное образованіе и воспитаніе. Затѣмъ всѣ поступали бы на *трудовую службу*, а по окончаніи ея выходили бы въ отставку съ ежегодной пенсіей, достаточной, чтобы жить безбѣдно и прокормить дѣтей до ихъ вступленія на трудовую службу. Если бы кому либо захотѣлось имѣть, кромѣ необходимаго, еще и предметы роскоши, то по окончаніи своей службы, онъ могъ бы вступить въ свободныя ремесленныя артели, въ которыхъ такія же, какъ онъ, отслужившіе люди сообща вырабатывали бы для се-

бя предметы роскоши по своему свободному выбору и усмотрѣнію. Такимъ образомъ, за десять лѣтъ общественной трудовой службы (а для женщины за семь лѣтъ), семья могла бы обезпечить себѣ полный достатокъ *на всю жизнь*. Мужчина и незамужняя женщина, отработавъ свой обязательный срокъ, пользовались бы полной свободой во цвѣтѣ лѣтъ и силъ и могли бы тратить свое время либо на дальнѣйшій трудъ, чтобы еще болѣе повысить уровень своего благосостоянія, либо только на умственное развитіе и различныя человѣческія удовольствія, если хотятъ ограничиться такимъ достаткомъ, который теперь выпадаетъ на долю среднихъ зажиточныхъ людей. Этого еще мало. Въ шестидесятимилліономъ населеніи имѣется около пяти милліоновъ трехсотъ тысячъ мужчинъ и около четырехъ милліоновъ женщинъ, а вмѣстѣ девять милліоновъ триста тысячъ человѣкъ трудового возраста. А такъ какъ всего надо только восемь милліоновъ восемьсотъ тысячъ душъ, то можно было бы устроить ежегодно около шестидесяти тысячъ *льготниковъ* и *льготницъ* (тридцать тысячъ мужчинъ, что въ *десять* лѣтъ, составитъ триста тысячъ—и тридцать тысячъ женщинъ, что въ *семь* лѣтъ дастъ двѣсти тысячъ, а вмѣстѣ пятьсотъ десять тысячъ). Льготою могли бы пользоваться наиболѣе даровитые люди, которые пожелали бы провести трудовую службу въ изученіи разныхъ наукъ и искусствъ, чтобы потомъ быть полезными своими занятіями и своей просвѣщенной дѣятельностью всему обществу.

Очень легко было бы, кромѣ того, устроить такъ, чтобы трудовая служба, которая будетъ производиться при наилучшихъ и наиполезнѣйшихъ для здоровья условіяхъ, не смахивала на современную казарменную жизнь, чтобы было дано какъ можно больше свободы при выборѣ занятія и мѣста службы. Подробно разсказывать о необходимыхъ для этого мѣрахъ было бы слишкомъ долго. Для этого понадобилась бы цѣлая книжка. Замѣтимъ только, что наиболѣе тяжелыя и непріятныя работы мо-

гутъ пользоваться многими льготами (меньше часовъ въ день работы, или меньше лѣтъ трудовой службы и т. п.), такъ что охотники для нихъ всегда найдутся. А если не найдется или найдется слишкомъ мало, тогда работать эту работу могутъ всѣ по жребію или по очереди.

Всѣ эти соображенія сдѣланы, какъ сказано, для нѣмецкаго государства при разсчетѣ его населенія въ шестьдесятъ милліоновъ. Легко понять, что дѣло нисколько не измѣнится, если мы сдѣлаемъ его для Россіи съ ея населеніемъ въ 130 милліоновъ или для другого государства съ какимъ угодно числомъ жителей, хозяйство которыхъ устроено сходно съ теперешнимъ хозяйствомъ нѣмецкаго царства. Повсюду будетъ одно и то же. Десятилѣтней трудовой службой мужчины и семилѣтней трудовой службой женщины можетъ быть достигнуто при соціалистическомъ хозяйствѣ прекрасное образованіе и обезпеченіе для всѣхъ на всю жизнь. Въ соціалистическомъ обществѣ каждый гражданинъ съ радостью будетъ отбывать свою трудовую повинность, приносящую ему свободу, независимость и полную обезпеченность. Въ соціалистическомъ обществѣ не будетъ дармоѣдовъ, ничего не дѣлающихъ и живущихъ на счетъ чужого труда, не будетъ также и бѣдныхъ, надрывающихся подъ непосильнымъ трудомъ. Всѣ будутъ трудиться сколько надо, и довольства хватитъ на всѣхъ. Не будетъ тогда, какъ теперь, что рядомъ съ магазиномъ, въ которомъ полки ломятся отъ платья и обуви, ходятъ полунагіе и босые оборвыши—рабочіе, сработавшіе своими руками эту обувь и это платье; что подъ зеркальными окнами огромныхъ булочныхъ, мясныхъ, ресторановъ и лавокъ со всякими съѣстными припасами скитаются полуголодные, а подчасъ и нѣсколько сутокъ ничего не ѣвшіе люди труда, глядя жадными глазами на всѣ эти недоступныя для нихъ яства. Не будетъ и того, что постоянно случается теперь: въ странѣ голодъ, а изъ нея купцы вывозятъ хлѣбъ заграницу; тысячи, милліоны людей не имѣютъ порядоч-

ной одежды, а торговцы и фабриканты ситца, полотна и суконъ жалуются, что слишкомъ много наготовлено товару и нѣтъ для него сбыта; что въ цѣлыхъ губерніяхъ голодный тифъ, а крупныя экономіи сокращаютъ запашки, запускаютъ нивы подъ луга—говорятъ, что на зерно цѣны низки, спросъ на него малъ.

Освободившись изъ подъ лямки подневольнаго труда, человѣкъ только тогда серьезно вспомнитъ, что не о „хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ", что, удовлетворивъ всѣ свои тѣлесныя потребности, надобно дать пищу и своей человѣческой душѣ. Только тогда во всѣхъ людяхъ яркимъ пламенемъ загорится жажда знанія, только тогда человѣкъ познаетъ всю прелесть науки, гдѣ человѣческій умъ вдумывается во всѣ творенія природы, проникаетъ во всѣ ея тайны и любуется тѣмъ смысломъ, который онъ открываетъ во всемъ окружающемъ; только тогда человѣкъ глубоко почувствуетъ все величіе красоты, научится понимать, цѣнить и открывать ее вездѣ—въ звѣздномъ небѣ и въ горныхъ вершинахъ, и въ безбрежномъ морѣ, и въ яркой зелени полей и луговъ, и въ тайникахъ человѣческой души. Очистившись отъ мірскихъ грѣховъ, отъ мелкихъ помысловъ, вызванныхъ куплей-продажей, борьбою съ ближними за свое существованіе, человѣческая душа переродится, выпрямится, станетъ чутка къ душевной жизни ближнихъ, потому что она въ этихъ ближнихъ будетъ видѣть не своихъ враговъ, съ которыми надо быть вѣчно на сторожѣ, а своихъ друзей и сотрудниковъ, съ которыми пріятно вмѣстѣ трудиться для всеобщаго блага.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Е. П. РАСПОПОВА, ОДЕССА.

Бахъ, А. Н. Экономическіе очерки. ц. 15 к.

Бугле. *О равенствѣ.* Соціологическій этюдъ. Перев. съ франц. Кишкиной подъ ред. И. К. Брусиловскаго. ц. 50 к.

Вандервельде. *Деревенскій отходъ и возвращеніе на лоно природы.* Переводъ съ французскаго Ю. Стеклова. Вмѣсто предисловія: *Массовыя перемѣщенія жителей, приливъ ихъ въ города и отливъ въ села.* Этюдъ изъ области соціальной динамики *М. М. Ковалевскаго.* ц. 80 к.

Зликченко, Н. Лакей. Разсказъ. ц. 3 к.

Лассаль. Что такое конституція. Перев. съ нѣмецк. подъ редакціей Ф. Мускатблита. ц. 5 к.

Лоренцъ. *Видимыя и невидимыя движенія.* Лекціи, читанныя въ Лейденскомъ Отдѣлѣ Общества Всеобщей Пользы. Перев. съ нѣм. С. М. Шпейцеръ, подъ редакціей прив.-доц. Б. П. Вейнберга. Съ 40 чертежами. ц. 50 к.

Моррисъ. *Молодая Японія.* Перев. съ англ. Л. Д. Чудновской, съ 27 рисунками. ц. 75 к.

Мускатблитъ, Ф. *Битва при Ляоянѣ.* Критическій очеркъ съ 6 рис., 5 карт. и 1 черт. ц. 30 к.

„ *Народное представительство.* Съ предисловіемъ А. С. Изгоева. ц. 7 к.

„ *Тихоокеанская трагедія.* Общественно-историческій этюдъ ц. 10 к.

Мюртедъ. *Основныя начала морали.* Перев. подъ редакціей и съ предисловіемъ Л. Е. Оболенскаго. ц. 75 к.

Оствальдъ. *Школа химіи.* Общедоступное введеніе въ изученіе химіи. I. Общая часть. Съ 47 рисунками, портретомъ и біографіей автора ц. 60 к. II часть. Химія важнѣйшихъ элементовъ и соединеній. Съ 32 рис. Пер. подъ ред. и съ предисловіемъ профессора Л. В. Писаржевскаго. ц. 1 р.

Рихарцъ. *Новѣйшіе успѣхи электричества.* Перев. съ нѣм. А. Л. Шутинскаго подъ ред. прив.-доц. Б. П. Вейнберга. Съ 97 рис. ц. 50 к.

Фавръ. *Научный духъ и научный методъ.* Перев. съ франц. подъ ред. В. М. Чернова. ц. 20 к.

Цѣна 15 коп.